

А.В.Верников

**СТРУКТУРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СХОДСТВО
БАНКОВСКИХ СИСТЕМ РОССИИ И КИТАЯ**

**Москва
Институт экономики РАН
2014**

Верников А.В. Структурно-институциональное сходство банковских систем России и Китая. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 49 с.

На базе статистических данных за 2000-2013 гг. сопоставляется макроструктура и институциональные характеристики банковских систем России и Китая. Основная гипотеза состоит в том, что типологически они близки, несмотря на различие масштаба и социально-культурных характеристик двух стран. Рассматривается институциональная структура, структура и концентрация рынка банковских услуг, структурная политика государства по отношению к банкам и участие банков в финансировании реального сектора экономики. Показано, что в статике между двумя банковскими системами есть элементы как сходства, так и различия, а в динамике преобладают элементы конвергенции. В обеих странах мы видим многоуровневую иерархически организованную банковскую систему, во главе которой стоят несколько подконтрольных государству банков, сочетающих коммерческую деятельность с решением задач социально-экономического развития. Независимо от номинальной формы собственности государство оказывает влияние на кредитные решения и рыночное поведение банков. Мы полагаем, что нашли в банковской сфере России и Китая эмпирические подтверждения некоторых постулатов макросоциологической теории институциональных матриц (X-Y-теории), в частности тезиса об определённой пропорции между доминантными и комплементарными институтами. Китай двигается к такой пропорции постепенно, оставаясь в рамках своей исторической тенденции. Россия же возвращается к своему глубинному тренду после случившегося в 90-е годы «перехлёста». На данном этапе Китай фактически стал для России институциональным донором, то есть источником заимствования инноваций в области организации кредитной системы.

Ключевые слова: Китай; Россия; банки; государство; сравнительный институциональный анализ; зависимость от ранее избранного пути; институциональная автокоррекция

Классификация JEL: G21; G28; H82; P34; P52

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 14-02-00423 «Методологический семинар по институциональной и эволюционной экономике».

Vernikov, Andrei. China and Russia: Institutional coherence between the banking systems. – Russian Academy of Sciences (RAS) – Institute of Economics, Moscow, 2014. – 49 p.

We use statistical data for the period 2000-2013 to compare the macro-level structure and the core institutions of the banking systems in China and Russia. Our main hypothesis is that, differences in the absolute size and socio-cultural features notwithstanding, these two systems are typologically similar. We consider the institutional structure, the market structure and concentration, the industrial policy of the government, and the banks' involvement in the financing of the non-financial economy. We find similarities as well as differences, however in dynamics the trend towards convergence prevails. In both countries, we see a hierarchical multi-tier banking system headed by a few core state-controlled banks. These combine commercial activities with the activity of a development institution. Regardless of the nominal form of ownership, the government exerts influence on the banks' lending decisions and market behavior. We argue that the Chinese and Russian banking provide empirical proof to the macrosociological theory of institutional matrices. We refer in particular to the proportion between the dominant and complementary institutions. Whereas China has been gradually and carefully seeking the right balance consistent with its historical path, Russia in the 1990s grossly overshot with liberalization and now reverts to the underlying long-term trend. China has currently become an institutional donor for Russia in terms of innovations for the credit system design.

Key words: China; Russia; banks; government; comparative institutional analysis; path dependency; institutional self-adjustment

JEL codes: G21; G28; H82; P34; P52

This research was supported by the Russian Foundation for Humanities, grant No 14-02-00423.

Оглавление

1. Введение.....	4
2. Данные.....	6
3. Размеры и институциональная структура банковской системы.....	8
3.1. Размеры банковской системы	8
3.2. Уровни банковской системы.....	11
3.3. Структура рынка и уровень концентрации.....	14
3.4. Участие банков в кредитовании нефинансового сектора экономики	18
3.5. Влияние государства на кредитные решения банков	20
4. Политика государства в отношении коммерческих банков.....	23
4.1. Структурная политика	23
4.2. Трансформация отношений собственности.....	25
4.3. Режим иностранных инвестиций в капитал банков.....	27
4.4. Страхование частных вкладов	28
5. Синтез и интерпретация результатов	29
6. Заключение	36
Основные источники	39
Приложения	42

1. Введение

Экономические преобразования в России обычно сопоставляются с реформами в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Китае (см., напр.: (Полтерович, 2006)). Среди российских авторов возобладала точка зрения, что Россия пошла по пути стран ЦВЕ, тогда как надо было выбрать «китайский» путь, и всё сложилось бы гораздо успешнее и с меньшими социальными издержками. Постулируется, что модели преобразований в России и Китае принципиально различаются не только по заявленным целям, но и по способам и методам (Китай и Россия: общее и особенное, 2005, с.3).

Банковской системе каждой из стран в отдельности – России и Китая – посвящено много публикаций, но при этом примеров сравнительного анализа этих двух банковских систем на удивление мало. В.Попов (1998) сравнивает модель финансового посредничества в России с другими переходными экономиками. Ф.Аллен и Д.Гейл в своей известной книге (2000) сосредотачиваются в основном на различиях между странами с развитой рыночной экономикой. В статье «Анализ российской модели банковской системы в сравнении с китайской моделью» Т.Сперанская сопоставляет присутствие государства и механизмы финансирования реального сектора экономики и приходит к выводу, что модели развития банков в России и Китае разные (Сперанская, 2009).

Возможно, сравнительных работ мало вот почему: исследователей отпугивает представление о том, что банковский сектор Китая, как и вся страна в целом, уже в силу своего размера составляет сам по себе отдельный класс (Fungáčová, Korhonen, 2011, p.24)], и поэтому любые сопоставления бессмысленны. Масштабы китайской экономики действительно впечатляют, хотя любая крупная страна (США, Японии, Индии, России и т.д.) тоже могла бы претендовать на отдельный класс. Статистические показатели сами по себе слабо объясняют содержательные отличия Китая от ведущих стран с рыночной экономикой, равно как и его сходство с целым рядом стран Востока и с Россией.

Отдельные явления и показатели развития банков в России, а также либеральная официальная риторика и в самом деле могли создать иллюзию движения в сторону рыночной модели с конкуренцией и плюрализмом форм собственности. Однако за последние несколько лет накопились новые факты, ставящие под сомнение вывод о дивергенции моделей развития банковских систем двух стран. В частности, в России произошёл рост государственного присутствия в кредитной сфере в качестве регулятора, органа системного программирования и непосредственного производителя услуг. Государство активно выращивало своих «национальных чемпионов» (Верников, 2013). В

некоторых случаях мы видим возрождение тех институциональных форм, которые были характерны для хозяйственной практики нашей страны в период СССР. Поэтому мы видим смысл вернуться к теме, поднятой Т.Сперанской в 2009 г., – действительно ли в банковской сфере, в отличие от промышленности, Россия отказалась от китайского варианта государственного капитализма.

Другой мотивацией стало стремление квантифицировать отдельные постулаты теории институциональных матриц, согласно которой и Россия, и Китай принадлежат к одному типу общественно-экономического устройства (Кирдина, 2001; 2004; 2014). Автор уже предпринимал ранее попытки сравнительного анализа банковских систем различных стран, роли государства в них и вообще институциональной динамики (Верников, Кирдина, 2010; Kirdina, Vernikov, 2013; Vernikov, 2007; 2009; 2012).

Предметом нашего анализа является структурное и институциональное сходство и различие между Россией и Китаем в банковской сфере, прежде всего с типологической точки зрения. *Объектом* исследования стала система коммерческих банков России и Китая. За рамками остались банки развития и небанковские финансовые учреждения (кредитные кооперативы, страховые компании, трасты, компании по управлению активами и т.п.) обеих стран, равно как и «политические банки».¹ Хронологические рамки исследования охватывают в основном период с 2000 по 2013 год. В определённом смысле наш метод анализа является морфологическим, то есть на основе сравнения сходств и различий в строении организмов мы пытаемся судить о степени их родства. Основная гипотеза заключается в том, что российская банковская система типологически близка китайской, а не центрально-европейской, и на уровне институциональной модели между ними происходит постепенная конвергенция – различия ослабевают или как минимум не усиливаются, а сходство нарастает. Более того, мы полагаем, что банковская система России осуществляет институциональные заимствования из Китая.

В следующем разделе доклада объясняются подходы к поиску и обработке данных. В разделе 3 сравнивается институциональная структура банковской системы Китая и России. Раздел 4 посвящён структурной политике государства в банковской отрасли. Раздел 5 синтезирует предварительные результаты предыдущих разделов и предлагает их авторскую интерпретацию. Заключение подводит краткие итоги.

¹ В обеих странах есть банки развития – *Внешэкономбанк* и *China Development Bank*. Кроме того, в Китае есть так наз. «политические» банки (*Export-Import Bank of China, Agricultural Development Bank of China*). *Внешэкономбанк* контролирует в России ряд коммерческих банков: «Росэксимбанк», МСП банк, «Глобэкс» и «Связь-банк».

2. Данные

Источником статистических данных стали публикации статистических ведомств и органов банковского надзора и регулирования России и Китая – Банка России и Китайской комиссии по регулированию банковской деятельности (China Banking Regulatory Commission или CBRC), а также интернет-сайты ведущих банков, базы данных Bankscore (разработчик - Bureau van Dijk), журнала *The Banker*, агентств РИА-Рейтинг и РБК, международных финансовых организаций (МВФ и МБРР). Для преодоления разницы масштабов между банковскими системами России и Китая по мере возможности использовались относительные показатели вместо абсолютных величин.

Мы анализируем коммерческие банки, т.е. финансовые учреждения, которые классифицируются в качестве банков национальным регулятором в своей стране и включаются в национальную банковскую статистику. Что касается Китая, то мы взяли за основу официальное определение коммерческих банков, включающее пять категорий финансовых посредников (CBRC, 2013, p.161), самостоятельно добавив в этот список Почтово-сберегательный банк Китая (PSBC)².

Главным препятствием в нашей работе оказалась нехватка статистических данных по банкам Китая. Самая авторитетная официальная публикация по китайской банковской системе – годовой отчёт CBRC – доступна в англоязычной версии лишь с 2006 г., и с её помощью можно построить ряды данных по основным агрегированным показателям, начиная с 2003 г. Но даже за этот короткий период классификация и группировка неоднократно менялась³; возникли и потеряли своё значение целые классы кредитных организаций (например, сельские коммерческие банки и городские кредитные кооперативы). В результате данные за отдельные годы могут быть несопоставимы.

² PSBC – одно из крупнейших финансовых учреждений Китая, обладает развитой филиальной сетью. Официальный источник не относит его к коммерческим банкам и публикует его показатели в агрегированном виде вместе с «сельскими финансовыми учреждениями нового типа». Мы видим смысл включить показатели PSBC в итоги по коммерческим банкам Китая для сопоставимости с данными по России, где похожие банковские функции в сельской местности выполняют группные банки с государственным участием (Сбербанк России и Россельхозбанк).

³ Годовые отчёты CBRC включают в банковский сектор все 3747 действующих в стране финансовых учреждений (CBRC, 2013, p.25). Однако, согласно общепринятым в международной практике подходам, большинство из них являются как раз небанковскими финансовыми учреждениями, а именно: сельские кредитные кооперативы, «сельские финансовые учреждения нового типа», трастовые компании, финансовые лизинговые компании, компании по управлению активами и др. Внутри одного и того же источника встречаются противоречивые трактовки: на стр.161 классифицировано десять типов «банковских учреждений» (banking institutions), на стр.164 – одиннадцать, на стр.174 – шестнадцать, а на стр.25 – целых девятнадцать различных типов.

Показатели деятельности отдельных банков, даже крупнейших, в годовых отчётах CBRC вообще не публикуются. Далеко не все китайские банки, а в основном лишь котируемые на фондовом рынке банки публикуют финансовую отчётность на английском языке. Из принадлежащей Bureau Van Dijk базы Bankscore и из базы британского журнала The Banker мы взяли некоторые показатели деятельности (например, величину активов) по отдельным банкам за отдельные годы. Число наблюдений оказалось недостаточным для статистического и эконометрического анализа⁴, и пришлось использовать агрегированные показатели по категориям китайских банков. Полноценные исследования можно будет провести, когда динамические ряды по достаточно большому числу банков станут доступны широкому кругу исследователей.

Статистика международных организаций (МВФ, Мирового банка и др.) составляется на основе данных, предоставляемых национальными статистическими службами, и поэтому не может быть намного полнее и надёжнее своего первоисточника.⁵

Начиная с 2007 г., балансы китайских банков публикуются согласно международным стандартам финансовой отчётности (МСФО) на консолидированной основе, т.е. совместно с операциями, приходящимися на зарубежные филиалы и дочерние учреждения. Это завышает масштабы операций собственно в Китае на растущую из года в год величину, а значит, завышает и долю рынка крупнейших госбанков, имеющих зарубежное коммерческое присутствие. По российским банкам брались неконсолидированные отчётные данные, что устраняет эту проблему.

Китайские банки учитывают за балансом и не отражают в публикуемой отчётности значительную часть своих операций, например, трасты по управлению активами частных лиц, так называемые *wealth management products*, равно как и кредиты под строительство

⁴ Полный набор данных из коммерческих баз доступен лишь на платной основе по достаточно высокой цене. Зарубежные исследования часто ссылаются на базу Bankscore как основной источник статистических данных по китайским банкам. Фунгачова, Пессаросси и Вейл в своём исследовании уровня конкуренции на китайском банковском рынке тоже опирались на Bankscore, восполняя недостающие данные из годовых отчётов и интернет-сайтов самих банков - в основном тех, чьи акции обращаются на фондовом рынке. Получилась панель из 451 наблюдения по 76 банкам за период с 2002 по 2011 г. (Fungáčová, Pessarossi, Weill, 2012, p.15). Заметим, что среднегодовое число наблюдений составило 45, то есть менее чем по одному наблюдению в год на каждый из охваченных исследованием банков. Всего же в Китае 541 коммерческий банк. Этот пример иллюстрирует нехватку данных микроуровня по китайским банкам.

⁵ Например, в базе данных Financial Access Survey, которую ведёт Международный валютный фонд, указано по Китаю количество физических лиц -заёмщиков коммерческих банков (297 миллионов на конец 2012 г.), причём общее число вкладчиков во всех депозитарных учреждениях страны чуть превышает 19 миллионов (IMF, 2014b). Получается, что на каждого вкладчика в Китае приходится минимум 15 заёмщиков. В такие данные поверить трудно.

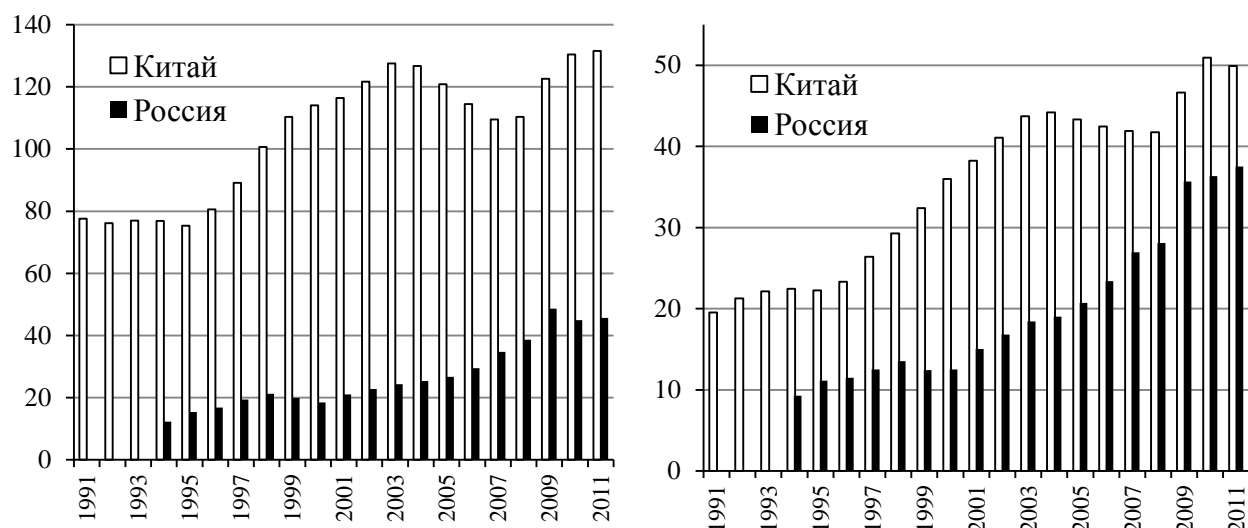
и девелопмент (Wall Street Journal, 10.09.2013). Поэтому доступные исследователю официальные данные могут представлять собой лишь часть действительности, скрывая, как подводную часть айсберга, подлинные размеры активов и обязательств банка.

3. Размеры и институциональная структура банковской системы

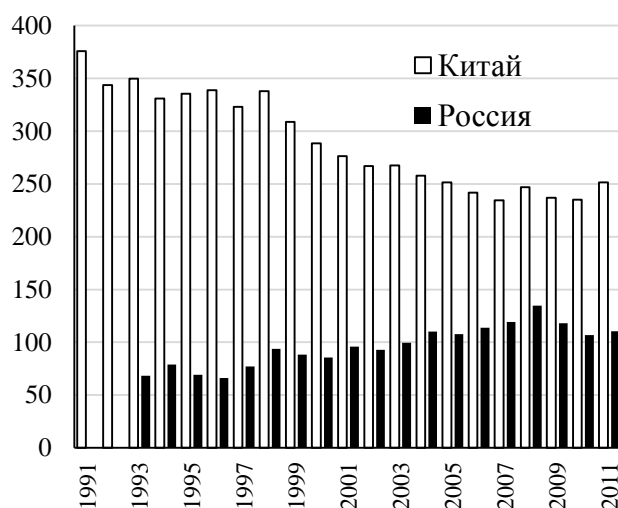
3.1. Размеры банковской системы

В обеих странах сложилась модель финансового посредничества, основанная на банках (bank-based financial system). Коммерческие банки преобладают среди финансовых учреждений. В России им принадлежит свыше 90% всех активов финансовых учреждений; в Китае – 78,3% активов, 78,7% капитала, 74,5% всех сотрудников, 81,5% чистой прибыли всех финансовых учреждений (рассчитано автором по данным Банка России и CBRC). Если выделить в мировой практике две крупных модели финансового посредничества – англо-американскую и германо-японскую (Роров, 1999), то банковские системы России и Китая оказываются типологически ближе к второй из них. Именно банковские кредиты являются главным источником внешних ресурсов для нефинансового сектора экономики. Но полного сходства с германо-японской моделью нет: в её рамках банки владеют промышленными предприятиями, чего не наблюдается в России и Китае.

По глубине банковского посредничества Россия отстаёт от Китая. По соотношению между частными банковскими вкладами и ВВП разрыв заметно сократился, зато соотношение между банковскими активами и ВВП по-прежнему складывается с заметным перевесом в пользу Китая (**Рис.1** и **Прил.1**). Если по первым двум показателям динамика однонаправленная и повышательная, то соотношение между банковскими кредитами и депозитами постепенно растёт в России, но снижается в Китае (график **(в)**). Это может означать, что российские банки начинают полнее использовать свою депозитную базу для фондирования кредитного портфеля, тогда как ранее ресурсы направлялись в некредитные активы. В Китае же банки двигаются от весьма рискованного в плане ликвидности соотношения 3,5 к 1 в направлении большей сбалансированности. Впрочем, это может отражать и тот факт, что на начальном этапе развития банки видели в качестве источника фондирования своих кредитов отнюдь не сбережения населения (их могло просто не существовать в достаточном объёме), а другие ресурсы, прежде всего государственные, то есть через банки пошёл поток бюджетных капиталовложений. Это реальная жизненная ситуация в корне противоречила западным теориям и моделям банковской деятельности, когда в пассивах у банков сбережения частного сектора, а в активах – кредиты.

(а) активы депозитарных учреждений* / ВВП, % (б) частные банковские вклады / ВВП, %

(в) банковские кредиты / банковские депозиты, %

* Эта величина меньше совокупных банковских активов, так как не все банки имеют право принимать депозиты физических лиц

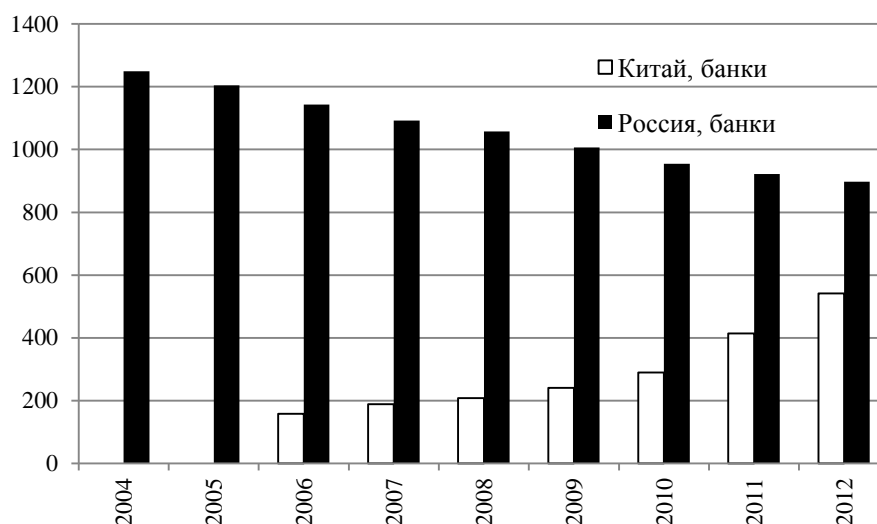
Источник: Financial Development and Structure Dataset (updated Nov. 2013). The World Bank, Washington DC

Рис. 1. Глубина банковского посредничества в России и Китае

Разрыв между показателями финансовой глубины (financial depth) можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, он указывает на неиспользованный пока в России потенциал банковского кредитования экономики. С другой стороны, он может отражать имевший место в Китае кредитный бум и надувание спекулятивных «пузырей» в ряде сфер, прежде всего в недвижимости. Высокий уровень задолженности китайских юридических лиц (эквивалентный 105,4% ВВП, тогда как более или менее безопасным считается уровень 80%) представляет собой системный риск [PWC, 2012, p.36]. Китайские банки оказались заложниками ситуации, когда продолжение кредитной экспансии теми же темпами невозможно, а её прекращение неприемлемо по политическим причинам и

привело бы к ухудшению отчётных финансовых показателей. Относительно качества кредитных портфелей существуют самые разные оценки. По официальным отчётам, доля неработающих кредитов в портфелях китайских банков составляет лишь около 1%. Независимые источники менее оптимистичны: в 2012 г. эксперты банка *Credit Suisse* оценивали этот показатель на уровне 8-12% [Cooper, 2012].

Как видно на **Рис. 2**, в России количество действующих банков сокращается, а в Китае растёт, составив 829 и 541, соответственно⁶.

Источники: Financial Access Survey [Электронный ресурс] Washington DC: International Monetary Fund. <http://fas.imf.org/> (дата обращения: май 2014 г.); Annual Report 2012, China Banking Regulatory Commission, Beijing, 2013 (количество коммерческих банков в Китае).

Рис. 2. Количество банковских учреждений в России и Китае

При сопоставлении этих показателей надо учитывать, что в Китае действуют весьма многочисленные группы небанковских финансовых посредников, и большое распространение получил теневого банкинг. К 2012 г. около половины финансового посредничества происходило вне традиционного банковского сектора, тогда как в начале 2000-х годов лишь 10% (Liao, Tapsoba, 2014, p.3). Всего к началу 2013 г. насчитывалось 3747 финансовых учреждений, т.е. на коммерческие банки пришлось лишь примерно 1/7 от общего числа. В Китае к категории коммерческих банков мы относим 5 «крупных коммерческих банков» (основные госбанки), 12 «акционерных коммерческих банков», 144 городских коммерческих банка, 337 сельских коммерческих банков, 42 иностранных финансовых учреждения (CBRC, 2013, p.174) и Почтово-сберегательный банк Китая

⁶ Данные по России по состоянию на 01.06.2014 г., по Китаю – к концу 2012 г. В статистической базе МВФ (см. **Прил.3**) приводятся, на наш взгляд, заниженные данные по Китаю – 203 коммерческих банка к концу 2012 г. [IMF, 2014b], отличающиеся от данных CBRC. МВФ не поясняет эти расхождения.

(Прил.2).

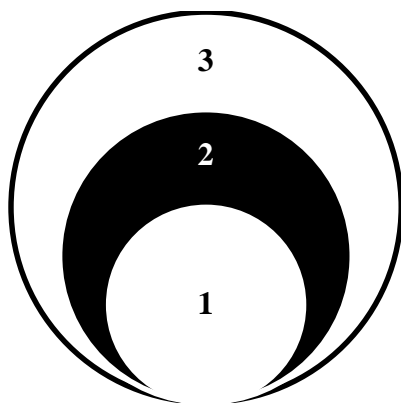
С точки зрения насыщенности экономики банковскими учреждениями и доступности банковских услуг значение имеет не количество юридических лиц или выданных лицензий, а количество филиалов и иных внутренних структурных подразделений банков в абсолютном и особенно относительном выражении, на единицу населения или территории. Эта величина растёт в обеих странах, достигнув 45603 в России и 85358 в Китае. Разница между странами в плотности населения приводит к тому, что в России насчитывается менее 3 отделений коммерческих банков на 1000 кв. км территории, тогда как в Китае – 9. Зато по числу банковских отделений на 100 тысяч человек взрослого населения Россия в 5 раз превосходит Китай – 38,2 против 7,7 (Прил.3). Похожие закономерности видны и в развитии сети банкоматов, являющихся дополнением и альтернативой банковским отделениям. В Китае намного больше банкоматов, приходящихся на 1000 кв. км территории, и меньше в расчёте на 100 тыс. человек взрослого населения. В целом же уровень развития коммерческой банковской сети в двух странах становится более или менее сопоставимым.

3.2. Уровни банковской системы

В подавляющем большинстве стран современного мира стандартом является двухуровневая (two-tier) банковская система (центральный банк и все остальные банки), при которой все коммерческие банки равны, по крайней мере де-юре. Банковское законодательство обеих стран отвечает этому требованию. При этом в России банковский надзор и регулирование осуществляется центральным банком. В Китае же за Народным банком оставлена денежная политика, а банковским регулированием занимается специально созданное ведомство – CBRC, то есть отделённый от денежных властей регулятор. В российском законе о банках и банковской деятельности нет дифференциации между кредитными учреждениями по величине или другому признаку. В КНР закон о коммерческих банках установил различную минимальную величину уставного капитала для банков различного типа: 50 млн. юаней для сельского коммерческого банка, 100 млн. юаней для городского коммерческого банка и 1 млрд. юаней для «национального коммерческого банка» (Law of the People's Republic of China on Commercial Banks, 2003, art.13).

Де-факто в обеих странах структура банковской системы сложная и многоуровневая, причём речь идёт не просто об отдельных локальных рынках или о

сегментах национального рынка, а именно об уровнях сложной иерархически выстроенной системы. Различия между отдельными уровнями системы являются вполне содержательными: каждому из этих уровней соответствуют банки определённого типа, имеющие разный масштаб деятельности, обслуживающие клиентуру определённого типа и играющие разную роль в механизме денежной трансмиссии.

Россия

1. крупнейшие госбанки (3)
2. другие системно-значимые банки (~30) и остальные банки «второго контура банковского надзора (~150)
3. прочие банки (~650)

Китай

1. крупнейшие госбанки (5)
2. акционерные коммерческие банки (12)
3. городские коммерческие банки (144); сельские коммерческие банки (212); иностранные банки (40).

Рис. 3. Структура банковской системы в России и Китае

В России крупнейшие контролируемые государством банки выделились из общей массы участников рынка и составили особый уровень банковской системы (Верников, 2013) (Рис.3). В среднем каждый из ведущей тройки банков превосходит крупнейшие 20 негосударственных банков по валюте баланса в 12,4 раза (расчёт автора). В свою очередь, каждый из двадцати крупнейших негосударственных банков превышает средний из оставшихся российских банков в 38 раз. Банк России как верховный регулятор банковской системы де-факто признаёт неоднородность совокупности коммерческих банков, выделяя «системно значимые» учреждения в понимании Базельского комитета по банковскому надзору (их точное количество не раскрывается) из состава т. наз. «второго круга банковского надзора».

В Китае отчётливо различимы три основных уровня системы – крупнейшие госбанки, акционерные коммерческие банки, а также все остальные коммерческие банки. В среднем крупный госбанк превосходит акционерный коммерческий банк в 12,7 раз по числу сотрудников и в 6,1 раз по валюте баланса. В свою очередь, средние показатели объёма у акционерных коммерческих банков и других типов банков также различаются на

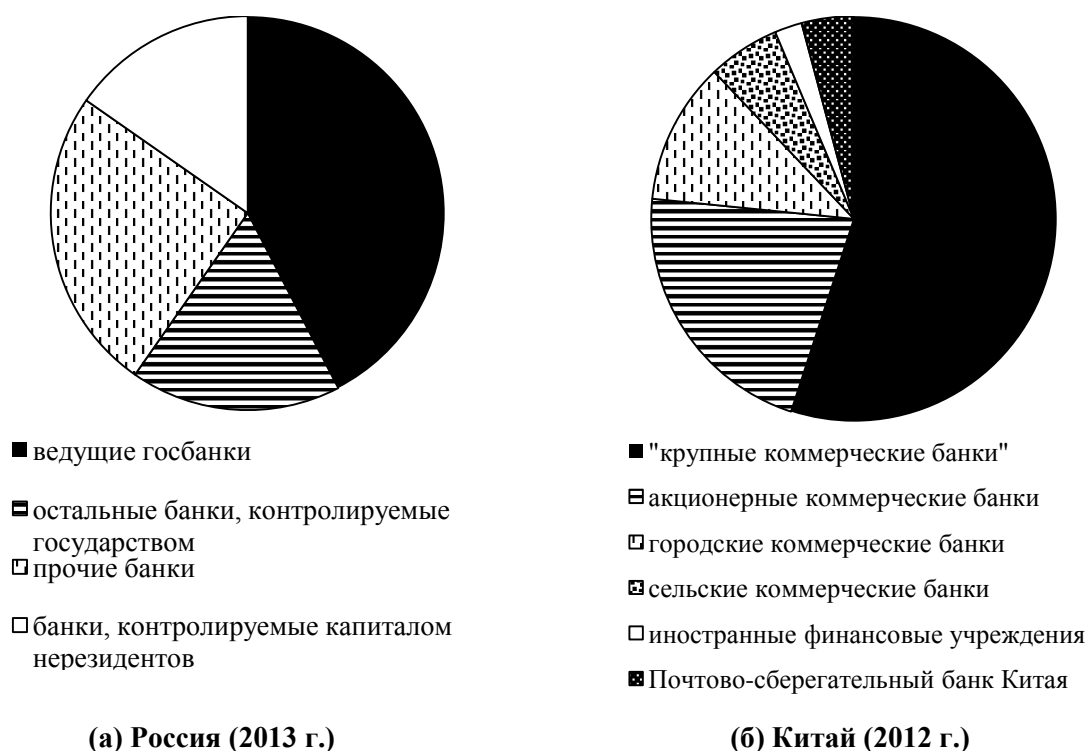
порядок (Прил.4). Прослеживается стратификация: в масштабе всей страны действуют лишь крупнейшие из банковских учреждений, тогда как многие из городских и сельских коммерческих банков работают преимущественно в пределах своей основной территории. При этом городские и сельские коммерческие банки и иностранные банки не находятся в иерархической взаимосвязи, и мы отнесли бы их всех к одному уровню банковской системы, хотя масштабы деятельности банков внутри этой категории сильно различаются.

В материалах Народного банка Китая выделены несколько иные уровни кредитной системы, всего их 5: крупные национальные банки с китайским капиталом (активы свыше 2 трлн юаней), мелкие и средние национальные банки с китайским капиталом (активы менее 2 трлн юаней; действуют в разных провинциях страны), мелкие и средние местные банки с китайским капиталом (активы менее 2 трлн юаней; могут действовать только в пределах одной провинции), мелкие финансовые учреждения на селе (сельские коммерческие банки, сельские кооперативные банки и сельские кредитные кооперативы) и финансовые учреждения с иностранным капиталом (РВС, 2014, р.3). Но общая логика стратификации остаётся примерно той же.

В России уже много лет обсуждается на экспертном уровне вопрос о введении дополнительных типов банковских лицензий, чтобы, с одной стороны, выделить группу ведущих учреждений, а с другой – узаконить институт региональных банков. Последние будут действовать в границах своего региона и откажутся от некоторых видов операций в обмен на послабления со стороны регулятора в плане величины и достаточности собственного капитала. Вероятно, под прессингом дополнительных требований Базеля-3 к капиталу банков Россия будет постепенно мигрировать в направлении китайской системы с её иерархически упорядоченным разнообразием типов финансовых посредников. В отсутствие законодательной базы для разделения банков на категории Банк России и правительство принимают нормативные решения по критериям доступа банков к тем или иным операциям. Критерием может быть размер активов и капитала, опыт деятельности, уровень кредитного рейтинга, форма собственности и т.д. Весной 2014 г. установлены минимальные размеры для банков, обслуживающих ведущие государственные компании. Затем Банк России опубликовал перечень из 35 банков, в которых можно размещать пенсионные накопления и накопления для жилищного обеспечения военнослужащих [<http://www.banki.ru/> 01.07.2014].

3.3. Структура рынка и уровень концентрации

Если анализировать структуру банковской отрасли по формам собственности, то и в России, и в Китае официальная статистика даёт лишь частичное представление о размерах государственного сектора. Выявление банков, контролируемых государственным капиталом, требует отдельного исследования (Верников, 2009; Vernikov, 2009; 2012). В период, предшествовавший кризису 1998 г., госсектор банковской системы России практически «схлопнулся» до уровня примерно 1/3 всех активов и лишь затем начал восстанавливаться. К началу 2014 г. рыночная доля подконтрольных государству банков приблизилась к 60% (Рис.4 и Прил.5).

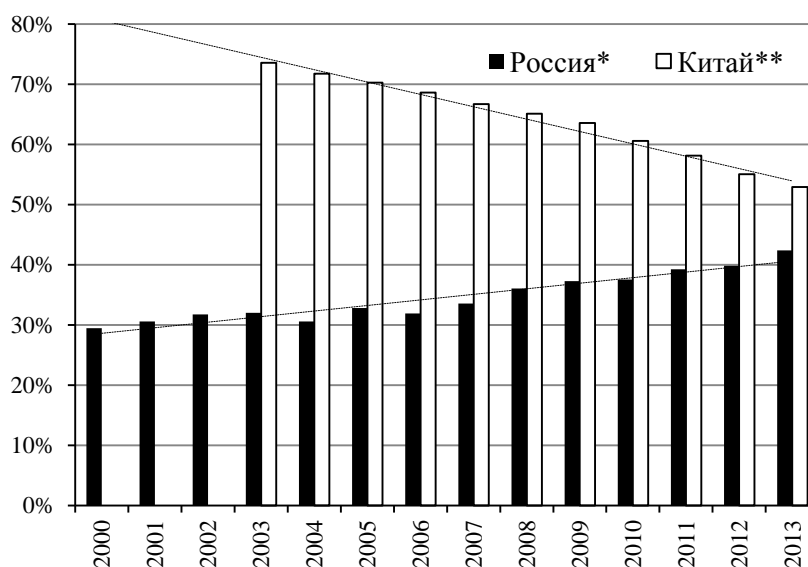
Источник: рассчитано автором по данным: *Annual Report 2012*, China Banking Regulatory Commission, Beijing: 2013; *The Banker*, July 2013; Банка России; Рейтингового агентства РИА-Рейтинг (<http://riarating.ru/>)

Рис. 4. Структура рынка в России и Китае (в % от совокупных активов коммерческих банков)

В Китае банки в значительной степени контролируются государственным капиталом, однако точную долю привести сложно из-за недостаточной транспарентности структуры собственности коммерческих банков. Однако подавляющее большинство китайских акционерных, городских и сельских коммерческих банков создавались при активном участии органов государственной власти и по-прежнему тесно связаны с ними.

Ядром кредитной системы каждой из стран являются крупнейшие банки с государственным участием. В России суммарная доля Сбербанка, ВТБ и Россельхозбанка достигла 42%. В Китае же доля крупнейших госбанков постепенно сократилась до

примерно 53% активов⁷ и 61% занятых в коммерческих банках, создав иллюзию «ухода» государства (**Рис.5 и Прил.5**). Если судить по линии тренда, то на уровне около 50% всех активов коммерческих банков оба ряда данных могут пересечься. Динамика государственного участия в целом по банковскому сектору двух стран выглядит разнонаправленной, однако это иллюзия. Во-первых, на графике отражён лишь период после 2000 г., а как раз в предшествующий период в России произошло лавинообразное обрушение системы государственных специализированных банков, чего Китаю удалось избежать. Во-вторых, «крупными коммерческими банками» государственный сектор Китая не ограничивается – как, впрочем, и в России он не ограничивается тройкой ведущих госбанков.

* Сбербанк России, ВТБ и Россельхозбанк, без дочерних банков. ** Industrial and Commercial Bank of China, Agricultural Bank of China, Bank of China, China Construction Bank, Bank of Communications.

Источник: рассчитано автором по данным: Банк России; РИА-Рейтинг (<http://riarating.ru/>); *CBRC 2013 Annual Report*. Beijing: China Banking Regulatory Commission, 2014; *The Banker*, July 2014

Рис. 5. Доля ведущих государственных банков в России и Китае (в % от совокупных активов коммерческих банков)

В России есть примеры того, как номинально частные или даже иностранные банки действуют в унисон с органами государственной власти или отдельными кланами чиновников. Есть и обратные примеры, когда номинально государственные банки, попав под контроль своих менеджеров, отдаляются от государственных интересов и начинают

⁷ В работе Фунгачовой и Корёнена приводится меньшее значение – 47% [Fungáčová, Korhonen, 2012, p.8], которое не очень убедительно подтверждает тезис авторов о доминировании пятёрки ведущих госбанков. Вероятно, авторы рассчитали долю от активов «банковских учреждений» в китайской терминологии, то есть включая небанковские финансовые учреждения. Мы же помещаем в знаменатель дроби только показатель по *коммерческим* банкам и *PSBC*.

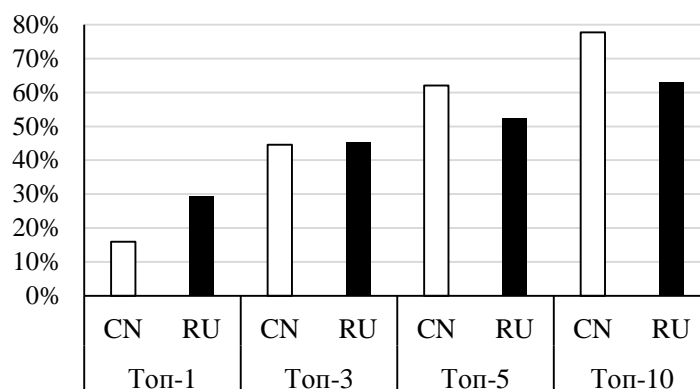
работать в ином режиме (Банк Москвы до его поглощения банком ВТБ).

Номинальная доля государственной собственности даёт неполную картину происходящего в банковской системе таких стран, как Россия или Китай. Помимо прямого акционерного контроля государство имеет много других возможностей для удержания в своей орбите компаний и банков – это и распределение ликвидности, и госзаказ в форме привлечения банков к участию в национальных проектах и обслуживанию государственных организаций. Выявление и формализация дополнительных факторов для составления более точной структуры отрасли по форме собственности остаётся исследовательской задачей на перспективу.

Исчисление доли рынка, приходящейся на *частный национальный капитал*, зависит от строгости дефиниций. По России оценки доли, принадлежащей национальным частным банкам, варьируют в диапазоне от 25% до 31%. В Китае эта величина вряд ли превышает 3%. Официальные источники упоминали 12%-ную долю частного капитала в банковской отрасли, но она складывается из миноритарных частей в капитале китайских банков без права контроля. Полностью частным считается лишь небольшой *Minsheng Bank*. В марте 2014 г. было объявлено о начале эксперимента, в ходе которого возникнут 5 банков, полностью принадлежащих частным фирмам (Financial Times, 11.03.2014).

Доля банков, контролируемых *капиталом нерезидентов*, в Китае стабилизировалась на уровне 2%, причём сюда включаются как иностранные филиалы, так и созданные в Китае учреждения с участием иностранного капитала. В России доля таких банков достигла к 2008 г. почти до 19%, но затем начала сокращаться и к 2014 г. составила 15,3%.

Концентрация на рынке коммерческих банковских услуг Китая и России является достаточно средней по мировым меркам и близкой по величине. Хотя в Китае нет одного столь явного лидера, как Сбербанк России, но в разрезе топ-3 уровень концентрации совпадает. В разрезе топ-10 Китай уже превосходит Россию: на крупнейшие 10 банков приходится 78% и 63% всех активов, соответственно (**Рис.6**). Уровень концентрации выглядел бы намного выше, если суммировать принадлежащие государственным банкам индивидуальные доли рынка. Основанием для такого действия является то, что эти банки в конечном счёте контролируются одной стороной и по логике МСФО могут признаваться группой связанных лиц, чьи показатели подлежат консолидации (Верников, 2013, с.103).

* По Китаю – за 2012 год; по России – за 2013 год

Источник: рассчитано автором по данным: *Annual Report 2012*, China Banking Regulatory Commission, Beijing: 2013; *The Banker*, July 2013; Банка России; Рейтингового агентства РИА-Рейтинг (<http://riarating.ru/>)

Рис. 6. Концентрация среди коммерческих банков Китая и России (в % совокупных активов)

Как уже установлено исследователями, уровень концентрации сам по себе слабо объясняет интенсивность конкуренции на рынке банковских услуг, а конкуренция в свою очередь нелинейно связана с эффективностью и устойчивостью банковского бизнеса. Применение же неструктурных методов изучения конкуренции затруднено отсутствием доступных данных по отдельным китайским банкам. Кроме того, многоуровневая структура рынка означает его сегментацию, при которой нет конкуренции всех одновременно со всеми. Есть индикативное воздействие государства на объём размещаемых кредитных ресурсов, направление вложений и процентные ставки, даже для номинально частных банков. Это снижает информативность показателей процентной маржи и процентного дохода, балансовой прибыли, рентабельности капитала и т.д. Здесь кроется объяснение неожиданных порой результатов эмпирических исследований – например, что в Китае конкуренция не влияет на эффективность банков (Fungáčová, Pessarossi, Weill, 2012), а в России госбанки обладают меньшей рыночной силой по сравнению с национальными частными и с иностранными банками (Fungáčová, Solanko, Weill, 2010) или работают на более узкой процентной марже (Fungáčová, Poghosyan, 2011).

Мы решили воздержаться от сравнения показателей финансовой эффективности из-за их недостаточной, как нам кажется, релевантности, поскольку достоверность официальных статистических данных в этом разрезе вызывает сомнения. В Прил.6 приведены данные Мирового банка по эффективности банков России и Китая. Сложно понять, как мог образоваться многократный разрыв между российскими и китайскими данными по таким показателям, как отношение накладных расходов к активам или

расходов к доходам. Процентная маржа в Китае (2,9%) более узкая, чем в России (4%), но в условиях контроля над процентными ставками этот показатель малоинформативен.

Эмпирические работы западных специалистов на материалах стран ЦВЕ предсказывали низкую эффективность государственных банков (Bonin, Hasan, Wachtel, 2005). Вплоть до недавнего времени расчёты по России и Китаю давали аналогичные результаты. Так, в своей работе по Китаю за период 1994-2003 гг. А.Бергер, И.Хасан и М.Жоу приходят к выводу, что иностранные банки эффективнее крупных госбанков (Berger, Hasan, Zhou, 2009). Обсчёт более свежих данных допускает возможность того, что по своей финансовой эффективности государственные «национальные чемпионы» не уступают банкам других форм собственности (Karas, Schoors, Weill, 2010; Fungáčová, Pessarossi, Weill, 2012; Верников, 2013). И всё же численность сотрудников в крупных государственных банках бывает избыточной. Доля «большой пятёрки» китайских банков в структуре занятых в банковской системе превышает их долю в структуре активов (Прил.2-б и 2-в), а по объёму активов, приходящихся на одного сотрудника (косвенное свидетельство эффективности, если не учитывать различие бизнес-моделей), эти банки находятся лишь в середине рэнкинга (Прил.4-в).

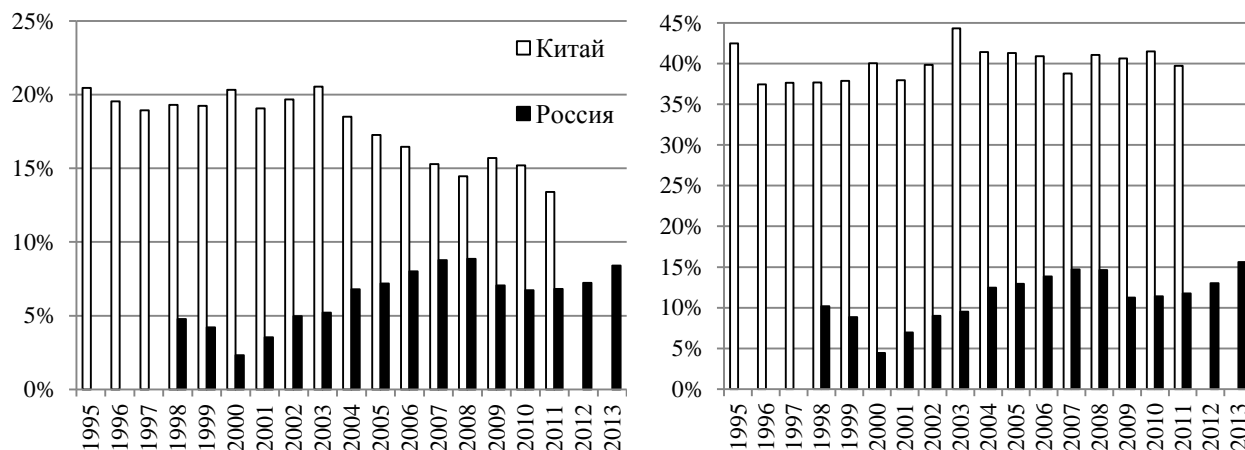
Мы не считаем, что показатели банка полностью детерминированы его формой собственности. Бизнес-модель банка, политика в области рисков и ценообразования, уровень вознаграждения сотрудников во многом зависят от той среды, в которой действует банк. Если преобладает частная инициатива и свободная конкуренция, то государственные банки могут перенять один из стереотипов поведения своих основных конкурентов, даже если это поведение деструктивно. Так, в России перед кризисом 1998 г. рыночное поведение частных участников рынка распространилось и на банки, в капитале которых участвовало государство: они тоже спекулировали на ГКО и иностранной валюте и не кредитовали национальную экономику.

3.4. Участие банков в кредитовании нефинансового сектора экономики

Основной пункт различий между Россией и Китаем, на котором построена аргументация Т.Сперанской (2009), – это функциональная роль банков в хозяйстве, их значимость для общества и критерии принятия банками инвестиционных решений.

Удельный вес кредитов, полученных от национальных банков, среди всех источников инвестиций в основной капитал нефинансовых компаний составляет примерно 7-8% в России и 13-15% в Китае, при этом разрыв сокращается (Рис.7-а).

Кредиты национальных банков составляют важную, хотя и не преобладающую часть *внешних* ресурсов, привлечённых нефинансовыми компаниями для инвестиций в основной капитал⁸, – около 40% в Китае и 14-16% в России (см. **Рис.7-б** и **Прил.7**).

(а) Доля кредитов национальных банков в инвестициях в основной капитал

(б) Доля кредитов национальных банков во внешних источниках инвестиций в основной капитал

Источник: рассчитано по данным [Росстат, 2014; CBRC, 2013; National Bureau of Statistics China]

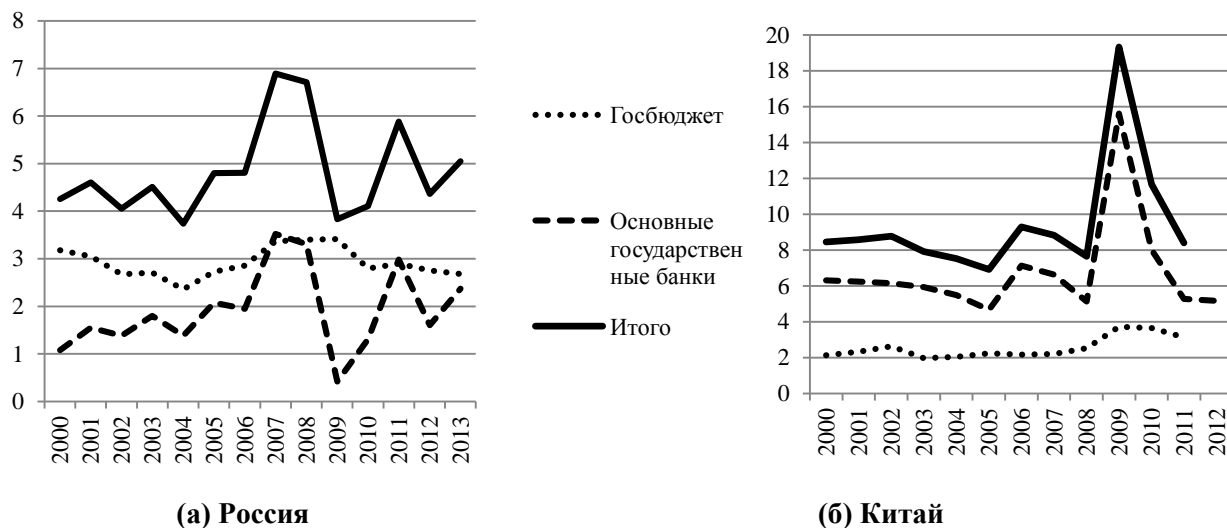
Рис. 7. Кредиты национальных банков как источник инвестиций в основной капитал нефинансовых компаний

Доля средств государственного бюджета в инвестициях в основной капитал китайских предприятий ниже, чем в России (4-5% против примерно 20%). Общие бюджетные расходы в Китае тоже выглядят скромнее, чем в России – 24,8% ВВП против 37,1% ВВП (IMF, 2014, p.74). В отрыве от контекста эти факты можно было бы интерпретировать как отход Китая от централизации и перераспределения инвестиционных ресурсов. Однако есть предположение, что финансирование из госбюджета замещено кредитами государственных банков. По мнению журнала *The Economist*, крупнейшие финансовые учреждения страны столь плотно контролируются государством, что фактически они являются подразделениями государственного казначейства (The Economist, 31.08.2013). Чтобы проверить свою гипотезу, мы сопоставили госбюджетные вложения в основной капитал обеих стран с приростом кредитования ведущих госбанков, причём оба показателя соотнесли с ВВП за соответствующий год.⁹ Выявилась интересная

⁸ Под внешними ресурсами мы понимаем разницу между общим объёмом ресурсов, поступивших для вложения в основной капитал из всех источников, и самофинансированием предприятиями на эти цели.

⁹ За неимением более надёжных прокси, мы полагаем, что изменение кредитного портфеля характеризует инвестиционную активность ведущих банков с государственным участием. Для сопоставимости с бюджетными расходами в годовом выражении мы преобразовали показатели

закономерность. В общей сложности приток инвестиций в основной капитал оказался в России вдвое меньше, чем в Китае – 4,8% и 9,4% ВВП в среднем за период, соответственно. Бюджетные инвестиции в основной капитал и кредиты национальных банков на эти цели компенсируют и дополняют друг друга (Рис.8 и Прил.8).

Источник: рассчитано по данным Банка России, а также [Росстат, 2014; CBRC, 2013; National Bureau of Statistics China]

Рис. 8. Источники инвестиционных ресурсов для нефинансовых компаний (в процентах годового ВВП соответствующей страны)

В динамике за 2000-2013 гг. соотношение между двумя источниками средств варьирует между странами. В России оба потока сопоставимы по величине, но немного преобладают вложения через государственный бюджет. В Китае кредиты ведущих государственных банков заметно превосходят бюджетные источники. Показательным можно считать эпизод финансового кризиса 2008-2009 г., когда российские банки сократили инвестиционное кредитование, а китайские, наоборот, резко увеличили, подстраховав возможности государственного бюджета. В результате китайская экономика не испытала спада, в отличие от многих других стран.

3.5. Влияние государства на кредитные решения банков

По мнению Т.Сперанской, в России банки с госучастием руководствуются критерием прибыльности и рентабельности операций, а государство не вмешивается напрямую в

запаса (величина активов либо ссудной задолженности на определённую дату) в показатель потока (прирост либо сокращение кредитного портфеля, произошедшее за отчётный период). Выделить долю кредитов, приходящуюся на кредитование нефинансовых предприятий, по техническим причинам оказалось возможным только для России, поэтому расчётные показатели по Китаю завышены на величину всех прочих кредитов, в том числе потребительское кредитование физических лиц.

процесс принятия решений (кроме Газпромбанка). В этом состоит существенное отличие от Китая, где кредиты специализированных государственных банков вписаны в государственный бюджет страны и долгосрочную стратегию экономического роста (Сперанская, 2009, с.103-104).

Что касается *России*, то ещё 10-15 лет такое представление о поведении банков с госучастием имело основания: руководство этих банков неоднократно заявляло о финансовых показателях и рыночной капитализации как главной цели своей деятельности. Ситуация постепенно меняется. В Стратегии развития банковского сектора (2011, с.8) говорится об усилении роли банков в инновационных процессах реального сектора экономики. Контролируемые государством банки участвуют в осуществлении инвестиционной и структурной политики правительства, пытаясь сочетать это с коммерческими принципами деятельности (Верников, 2013). Государство всё активнее влияет на размещение активов ключевых банков, включая Сбербанк, ВТБ, РСХБ и Газпромбанк. Органы государственной власти в директивном порядке регулируют участие крупнейших банков в крупных инвестициях¹⁰ и внешнеполитических акциях¹¹. К сожалению, многие из этих проектов являются слишком дорогостоящими или вообще ненужными. А коммерческая целесообразность их кредитования может как присутствовать, так и отсутствовать. Так, в период подготовки к Олимпийским играм в Сочи в 2014 г. госбанки прокредитовали олимпийские стройки на крупные суммы, однако возвратность этих кредитов сомнительная, и банки потребовали государственной помощи для покрытия потенциальных убытков.

Таким образом, растёт объём администрированного, или директивного, кредитования (*directed lending*), то есть число кредитных решений, принятых под внешним воздействием и с учёта более широкого круга факторов, чем финансовая эффективность и кредитоспособность заёмщика. Прямые и косвенные признаки директивного

¹⁰ 30 июля 2013 г. Правительство России своим [Распоряжением № 1343-р](#) установило перечень инвестиционных проектов, сопровождение реализации которых в качестве единственных исполнителей должны будут осуществлять ОАО «Сбербанк России», ОАО «Газпромбанк» и ОАО «Банк ВТБ».

¹¹ «Процесс идет. Вот наши банки несколько дней назад, конечно, не без моего ведома, оформили Украине очередной кредит - 750 млн руб.», - заявил Президент России 8 октября 2013 г. (<http://top.rbc.ru/economics/08/10/2013/881078.shtml>). Незадолго до того рейтинговое агентство Moody's понизило кредитный рейтинг Украины до преддефолтного уровня. Что дальше произошло на Украине, теперь уже общеизвестно. Следовательно, речь фактически идёт о госкредитовании, хотя на поверхности всё выглядит как обычный кредитный процесс в исполнении ведущих российских банков с госучастием.

кредитования выявляются в кредитной политике государственных банков, в частности их специфическом поведении в плане управления рисками. Эмпирические работы по России и Китаю предоставляют достаточно материала в поддержку этой точки зрения. Крупные государственные банки при установлении процентных ставок за пользование своими кредитами недостаточно учитывают эффективность и платежеспособность заёмщиков (Podpiera, 2006; Fungáčová, Poghosyan, 2011, p.22). Возможно, эти ставки формируются под влиянием социального заказа со стороны государства. В период кризиса подконтрольные государству банки сокращают кредитование экономики в меньшей степени, нежели банки другой формы собственности (Fungáčová, Herrala, Weill, 2013).

Китайские банки, в отличие от американских или европейских, являются частью закрытой системы и фактически служат рычагами, с помощью которых правительство контролирует экономику (Cooper, 2012). Китайские банки служат передаточным механизмом для проведения национальной монетарной политики. Например, в 2009-2010 гг. руководство страны посчитало, что экономика нуждается в притоке ликвидности во избежание спада, охватившего другие страны мира. Банки увеличили кредитование, причём речь идёт не только о банках, напрямую принадлежащих государству, но и о номинально частных и даже котируемых на фондовой бирже банках (Fungáčová, Korhonen, 2011, p.25). CBRC и Народный банк Китая признают в своих отчётах, что до банков доводятся задания по объёму кредитной экспансии в целом и по конкретным направлениям в разрезе отраслей и регионов. Эти задания вытекают из структурной политики правительства и параметров пятилетнего плана развития (в настоящее время идёт реализация 12-й пятилетки, с 2011 по 2015 г.). Свои отраслевые приоритеты есть и у каждой из китайских провинций. Со стороны всех более или менее значимых кредитных учреждений ожидается активное участие в решении национальных задач путём соответствующего размещения кредитных ресурсов.

Наряду с кредитованием государственных предприятий и проектов есть некоторые операции квази-фискального характера, направленные на скрытое финансирование органов государственной власти, которые остаются непрозрачными для анализа. В Китае банки вынуждены были кредитовать в крупных масштабах так называемые фонды финансирования местных правительств – Local Governments Financing Platforms или LGFP, из которых значительная часть средств направлялась на строительство объектов недвижимости. Задолженность региональных, провинциальных и местных органов власти по такому финансированию через LGFP стала проблемой национального масштаба, и её

решение пока не найдено. Россия тоже намерена привлечь ведущие госбанки к финансированию бюджетного дефицита в регионах России.¹² Нельзя не заметить сходства этой инновации с кредитами китайских госбанков в пользу LGFP.

Таким образом, ещё 10-15 лет назад между Россией и Китаем действительно существовали различия в степени влияния государства на кредитные решения банков, однако сейчас эти различия сглаживаются.

4. Политика государства в отношении коммерческих банков

4.1. Структурная политика

В Китае отход от системы монобанка и разграничение кредитных функций центрального банка от банков второго уровня произошло в 1978-1984 гг. (Okazaki, 2007, p.7-8), в СССР – в 1987 г., когда возникли государственные специализированные банки (Захаров, 2005; Кротов, 2010).¹³ Смысл реформ в обеих странах был одинаковым, и даже названия «спецбанков» в СССР были идентичны названиям китайских госбанков. Точкой бифуркации стали 90-е годы. Китай с 1994 г. направил усилия на повышение эффективности деятельности своих крупнейших банковских учреждений, преобразовав их в государственные коммерческие банки.

Россия же пошла другим путём: вместо коммерциализации спецбанков произошёл развал всей их системы. Спецбанки, кроме Сбербанка, подверглись «стихийной приватизации», то есть фактически расчленению и разграблению,¹⁴ а затем кризис 1998 г. добил то, что от них оставалось (Schoors, 2003). Лишь на рубеже нового тысячелетия в России началось восстановление госсектора банковской отрасли через органический рост Сбербанка и нового поколения банков с госучастием и через постепенное поглощение частных коммерческих банков.

Сегодня опорный каркас банковской системы обеих стран вновь составляют

¹² В мае 2014 г. Правительство обязало крупнейшие банки (ВТБ, Сбербанк и Россельхозбанк) заняться кредитованием региональных бюджетов для покрытия их дефицита. Выделенные средства, стоимость которых не должна превышать ключевую ставку Банка России плюс 1,25% годовых, пойдут на рефинансирование ранее выданных займов (Газета.RU, 22.05.2014). Невзирая на отрицательный опыт Китая в области LGFP, Россия намерена пойти по тому же пути.

¹³ К государственным специализированным банкам в Китае относилась «большая четвёрка» – Industrial and Commercial Bank of China (ICBC), Agricultural Bank of China (ABC), Bank of China (BoC) и China Construction Bank (CCB). В Советском Союзе это были Сбербанк СССР, Промстройбанк СССР, Агропромбанк СССР, Жилсоцбанк СССР и Внешэкономбанк СССР.

¹⁴ Сбербанк России удалось сохранить лишь чудом: влиятельные лоббисты предлагали расчленить и приватизировать его, под лозунгом борьбы с монополизмом.

несколько крупнейших банков, контролируемых государством, которые лидируют по валюте баланса, доле рынка, числу работающих, количеству филиалов и другим показателям. В России это Сбербанк России, ВТБ и Россельхозбанк¹⁵, а также их дочерние учреждения (ВТБ-24, Банк Москвы и др.). В Китае к «большой четвёрке» добавился пятый «крупный коммерческий банк», как в этой стране официально именуют ведущие госбанки, – Bank of Communications (BOCOM).

Развитие и поддержка своих «национальных чемпионов» составила основное содержание структурной политики государства (*industrial policy*) в банковском секторе в Китае и России. Крупнейшим госбанкам оказывается массированная финансовая поддержка путём регулярных пополнений капитала и размещения долгосрочных ресурсов на выгодных условиях, в том числе и целевым образом для поглощения того или иного банка, включая и зарубежные. Опираясь на поддержку государства, ведущие госбанки участвуют в кредитовании крупнейших предприятий и финансировании важных для страны проектов в области инфраструктуры, промышленности, оборонной сфере и т.д. Есть оценка, что примерно половина кредитов крупнейших госбанков поступает государственным предприятиям (Fungáčová, Korhonen, 2011, p.25).

Обе страны достигли существенного прогресса в «коммерциализации» и акционировании крупнейших госбанков с целью повысить эффективность их работы, освоить современные управленческие технологии и улучшить корпоративное управление.¹⁶ Привлечение иностранных инвестиций в капитал этих банков – как через выход на фондовый рынок, так и через прямую продажу пакетов акций подходящим иностранным инвесторам – является скорее средством решения задачи, а не самоцелью: исследования показывают, что даже миноритарное участие иностранного капитала повышает эффективность государственного банка (Berger, Hasan, Zhou, 2009).

Китайский банковский регулятор открыто и активно проводит свою структурную политику и способствует созданию, развитию либо исчезновению целых классов финансовых учреждений. Китайское руководство полагает, что знает, какие именно банки нужны для решения той или иной экономической либо социальной задачи. «Крупные коммерческие банки» (то есть ведущие госбанки) выделяются как отдельная категория

¹⁵ К этой же категории с рядом оговорок можно отнести и ОАО «Газпромбанк».

¹⁶ Чрезмерная абсолютизация финансовых показателей (роста рыночной капитализации и отдачи на капитал) может отвлечь эти банки от выполнения их особой миссии и важных макроэкономических задач.

участников рынка в статистических материалах СВРС, равно как и детальное описание государственной политики в отношении этой группы банков. Насколько можно судить, есть задача понизить долю рынка крупнейших пяти госбанков до примерно половины активов банковской системы либо даже чуть ниже.

В России же на официальном уровне конкретные структурные задачи (например, желательная доля рынка для «национальных чемпионов» и других игроков) открыто не формулируются. Программный документ говорит о переходе к «преимущественно интенсивной модели развития банковского сектора», об усилении конкуренции, транспарентности и рыночной дисциплины, «поддержании равных условий ведения бизнеса всеми кредитными организациями независимо от величины и формы собственности, в том числе кредитными организациями, контролируруемыми государством» (Стратегия развития банковского сектора, 2011, с.12).

Между крупными коммерческими банками с госучастием и банками развития отсутствует чёткий водораздел. Теоретически банки развития должны были взять на себя централизованное финансирование, освободив от него государственные коммерческие банки. На практике же и те, и другие занимаются проектным, корпоративным и торговым финансированием. Крупнейшие государственные банки России и Китая, невзирая на свой номинальный статус акционерных и коммерческих, по характеру своей деятельности превратились в гибриды коммерческих банков и институтов развития. Видимо, причина здесь в том, что обе категории кредитных организаций имеют в наших странах родственную природу. Возможен и переход банка из одной категории в другую. В России выдвигалось предложение, чтобы Россельхозбанк отошёл от коммерческого кредитования и преобразовался в государственную корпорацию ([РБК, 21.02.2014](#)). В результате он превратился бы в аналог китайского «политического» банка *Agricultural Development Bank of China (ADBC)*, занимающегося финансированием структурных изменений в агропромышленном комплексе и сельской местности.

4.2. Трансформация отношений собственности

Т.Сперанская противопоставила «российские банки с госучастием» китайским «государственным банкам» (Сперанская, 2009, с.103). Эти термины создают впечатление, что структура собственности в Китае и в России существенно различаются. На наш взгляд, за последние годы различия в данной области, если и существовали, то заметно уменьшились. Ведущие банки, контролируемые российскими и китайскими властями,

были преобразованы в открытые акционерные общества и даже провели первичное размещение своих акций на фондовом рынке (IPO); в их капитале (кроме РСХБ) теперь есть существенное миноритарное участие институциональных инвесторов, в том числе иностранных. В Китае это происходило раньше, чем в России. Официальная риторика в обеих странах использует термин «приватизация» для описания трансформации собственности в банках. Однако до настоящей приватизации, предполагающей переход контроля от государства к неаффилированному частному капиталу, дело доходит редко, а применительно к ведущим государственным банкам – никогда. Во многих случаях привлечённые внешние акционеры (и национальные, и иностранные) аффилированы с государством и полностью принимают предложенные им правила игры: пассивное участие в управлении в обмен на стабильный рост стоимости своего пакета и поток дивидендов.

Формы акционерного участия государства диверсифицируются, и от центральных органов власти полномочия по распоряжению собственностью передаются другим государственным структурам, включая холдинги, корпорации, фонды, компании и банки. Российское государство в лице федеральных органов власти сохранило за собой контрольные пакеты акций трёх ведущих банков. В Китае же центральные органы власти могут оставлять за собой лишь миноритарное участие (39% акций ABC, 35% акций ICBC, 32,4% BOCOM), передав остальную часть госпакета государственным холдингам и инвестиционным фондам.

В России весьма динамично растёт рыночная доля банков, которыми государственный капитал владеет опосредованно через одну или несколько корпоративных «прокладок»¹⁷ (Прил.5-а). В Китае тоже происходит реконфигурация государственного сектора: доля банков второго и третьего эшелона увеличивается за счёт доли «большой пятёрки» банков (Прил.5-б и 5-в).

В Стратегии развития банковского сектора до 2015 г. Правительство и Банк России говорят о сокращении участия государства в капитале кредитных организаций – в среднесрочной перспективе до уровня контроля, а в дальнейшем и ниже этого уровня (Стратегия, 2011, с.9). Полагаем, что эти планы смогут реализоваться лишь частично. Под давлением новых обстоятельств выход государства из капитала банков замедлился.

¹⁷ В литературе такие банки иногда называют квазигосударственными. На наш взгляд, это неточный термин, и такие банки следовало бы называть *квазичастными*, то есть имеющими формально-юридические признаки частных компаний, но на самом деле возникших благодаря инвестиции государственного капитала и/или пользующихся общественными ресурсами.

Замена прямого государственного участия на косвенное может свидетельствовать как о продолжающейся коммерциализации госсектора, так и о выводе активов из прямого государственного управления для передачи влиятельным инсайдерам, прежде всего высшему исполнительному руководству государственных банков и корпораций (Vernikov, 2012). Распределения полномочий собственника несёт как преимущества, так и недостатки. Неочевидна целесообразность искусственного введения дополнительных промежуточных звеньев в систему управления основными банками. Это расширяет возможности оппортунистического поведения менеджеров всех участвующих организаций и усугубляет так наз. «агентскую проблему», что выражается в росте издержек на управление, потерь от нецелевого использования средств, коррупции.

Центральные власти страны передают и делегируют полномочия собственника другим органам и компаниям, сохраняя конечный контроль над распоряжением передаваемой собственностью. Те субъекты, которые получают эту собственность, распоряжаются ею с оглядкой на приоритеты и предпочтения руководства страны. Государственные или даже номинально частные банки получают от государства финансовые ресурсы и частично расходуют их на финансирование проектов и заёмщиков, удобных государству. Мы видим в такой системе проявление института *условной верховной собственности* (термин С.Г.Кирдиной), которая на протяжении российской истории доминировала в отношении основных средств производства (Кирдина, 2003; 2014, с.107). Это – не частная собственность, но и не государственная; её «приватизация» носит условный характер и может быть отменена юридически либо содержательно.

4.3. Режим иностранных инвестиций в капитал банков

В России банки с иностранным участием пользуются национальным режимом в России с незначительными изъятиями. С самого начала разрешалось создание 100%-ных иностранных дочерних учреждений, некоторые из которых вошли в число 20 крупнейших кредитных организаций страны. В Китае долгое время был запрещён иностранный контроль над китайскими банками, зато, в отличие от России, разрешались прямые филиалы иностранных банков. Примерно с 2007 г. вектор регулирования сменился на стимулирование создания местных (*locally incorporated*) банковских учреждений с преобладающим иностранным участием. К началу 2013 г. существовало 95 иностранных филиалов и 42 учреждённых в Китае иностранных банка, которые в свою очередь держали 275 филиалов и отделений. Иностранные банки не пользуются в Китае национальным

режимом регулирования и сталкиваются с разнообразными ограничениями своей деятельности – например, для открытия каждого следующего филиала на территории страны требуется отдельное разрешение; нужно ждать 3 года до получения разрешения осуществлять операции с национальной валютой (в России оно выдаётся сразу при учреждении банка с иностранным участием). В то же время опыт Китая показывает, что при должном регулировании иностранных филиалов они не представляют угрозы для экономики и денежного обращения принимающей страны. Созданные в предыдущий период иностранные филиалы не закрывают, хотя сами их владельцы предпочитают учредить в Китае местную структуру, поскольку это для них выгоднее и открывает более широкие возможности для развития бизнеса. В России этот элемент китайского опыта игнорируется и замалчивается из-за его несоответствия нашей политической конъюнктуре, а именно негативному отношению к иностранным банковским филиалам.

4.4. *Страхование частных вкладов*

В банковской системе России с 2004 г. действует эксплицитная система страхования вкладов (ССВ) населения в коммерческих банках. В Китае такая система на государственном уровне вкладов в явном виде пока отсутствует. Несмотря на это, по соотношению частных банковских вкладов с ВВП Китай по-прежнему опережает Россию примерно на 13 процентных пункта ВВП, как и было в 1994 г. (Рис.1-б). В обеих странах на рынке депозитов физических лиц доминируют банки с государственным участием: в России этот показатель составляет около 60%. Государство как крупнейший собственник в любом случае несёт субсидиарную ответственность по всем обязательствам своих финансовых учреждений, независимо от наличия в стране официальной системы страхования вкладов. В Китае важная особенность состоит в том, что государство прямо контролирует предельные ставки по частным вкладам.

Сообщалось, что Китай рассматривает вопрос о создании у себя ССВ; эта задача запланирована на нынешнюю, 12-ю пятилетку (Bloomberg, 20.04.2014). ССВ планируется ввести в контексте либерализации процентных ставок по частным вкладам, которое может повысить стоимость привлечения ресурсов мелкими негосударственными финансовыми посредниками и даже вызвать их банкротство. Введение ССВ призвано растянуть во времени переток вкладов к крупным операторам рынка, все из которых контролируются государством. Как и все аналогичные системы, ССВ в России была призвана укрепить доверие вкладчиков, привлечь сбережения в банки, избежать панических атак вкладчиков на банки и т.д. Истинная же цель её введения заключалась в повышении

конкурентоспособности частных банков, подавляющее большинство которых не пользовались доверием частных вкладчиков и без притока сбережений населения остались бы без источников фондирования, не выдержали бы конкуренции с государственными и иностранными банками и вскоре ушли бы с рынка. Введение ССВ не отвечало интересам государственных и иностранных банков, было им совершенно не нужно и натолкнулось на их сопротивление на стадии обсуждения вопроса. По сути дела, учреждение института страхования вкладов было воздействием государства на структуру отрасли через создание механизма, замедляющего структурный сдвиг (восстановление позиций государственных банков и вытеснение частных российских банков государственными и иностранными). Этот механизм искусственно укрепил позиции одной группы участников за счёт другой, и именно поэтому мы рассматриваем систему страхования вкладов в контексте структурной политики государства по отношению к банкам. Своей цели система страхования вкладов достигла в том смысле, что сотни мелких банков получили «второй шанс», продлили своё существование и остались участниками рынка. Вместе с тем, накопленный в России опыт функционирования системы страхования вкладов выявил и целый ряд негативных эффектов от неё. Главный из них – это размывание морально-этических устоев (*moral hazard*)¹⁸, когда поощряется разрушительное (безответственное, иждивенческое, эгоистическое, оппортунистическое) поведение всех участников процесса, как вкладчиков, так и самих банков (Karas, Pyle, Schoors, 2013). Страхование вкладов усиливает ценовую конкуренцию и подрывает финансовую стабильность мелких частных банков, вместо того чтобы обеспечивать противоположный эффект. Наличие системы страхования вкладов породило огромный по масштабам криминальный бизнес по выводу из банка средств вкладчиков, по незаконному получению компенсаций из ССВ при банкротстве банка и т.д.

5. Синтез и интерпретация результатов

На основе материала, изложенного в предыдущих разделах доклада, мы расставили по каждому элементу знаки оценочных суждений. В статике нас интересует, преобладает ли содержательное сходство либо различие; в динамике – эволюционируют ли банковские системы России и Китая в сторону большего сходства (конвергенции), или их траектории расходятся. Ниже в **Таблице** приведены основные результаты сопоставления.

¹⁸ Термин *moral hazard* часто переводят на русский язык как «моральный риск», что неточно и не передаёт суть явления: к риску проблема *moral hazard* имеет лишь косвенное отношение.

Таблица. Сопоставление банковских систем России и Китая

параметр	Россия	Китай	Статика: преобладает сходство (+) или различие (-)	Динамика: конвергенция (+), расхождение (-), без изменений (=)
<i>Институциональная структура</i>				
Количество коммерческих банков	≈850	541	-	+
Изменение количества коммерческих банков	↓	↑		+
Насыщенность банковскими учреждениями:				
- на 1000 кв.км территории;	2,83	9,16	-	+
- на 100 000 человек взрослого населения	38,2	7,7	-	+
Многоуровневая иерархически организованная система коммерческих банков, возглавляемая крупнейшими госбанками	да	да	+	=
Модель финансового посредничества, основанная на банках	да	да	+	=
Глубина банковского посредничества (банковские активы / ВВП), %	45,6	131,6	-	+
<i>Структура рынка и концентрация</i>				
Доминируют крупные банки, контролируемые государством	да	да	+	=
Доля рынка (совокупных активов – в %), принадлежащая:				
- крупнейшим государственным банкам	42,4	44,9	+	-
- остальным банкам, контролируемым государством	17,3	≈50	-	+
- банкам, контролируемым национальным частным капиталом	25	3	-	=
- дочерним иностранным банкам	15,3	2	-	=
Уровень концентрации на рынке коммерческих банковских услуг (топ-10), %	63	78	+	=
<i>Структурная политика государства в отношении банков</i>				
Выращивание «национальных чемпионов» в государственном секторе:				
- официально утверждённая политика	нет	да	-	=
- фактические действия государства	да	да	+	=
Крупнейшие государственные банки не менее	да	да	+	=

эффективны, чем другие участники рынка

Подлинная приватизация крупнейших госбанков	нет	нет	-	=
Усложнение структуры акционерного капитала крупнейших госбанков (акционирование, привлечение внешних акционеров)	да	да	+	=
Благоприятный режим для создания дочерних иностранных банков	да	да	+	=
Благоприятный режим для создания филиалов иностранных банков	нет	да	-	=
Страхование частных банковских вкладов	да	нет*	-	+

Участие банков в кредитовании нефинансового сектора

Кредиты национальных банков являются важным источником инвестиций в основной капитал нефинансовых компаний	нет	да	-	=
Кредиты государственных банков являются дополнением к бюджетным инвестициям в основной капитал нефинансовых предприятий	да	да	+	=
Вмешательство государственных органов в кредитные решения крупнейших государственных банков	да	да	+	=
Ведущие государственные банки сочетают коммерческое обслуживание с выполнением задач, свойственных институтам развития	да	да	+	=
Влияние государства на кредитные решения негосударственных банков	нет	да	-	=
Банки кредитуют дефицит бюджета региональных и местных органов власти	нет*	да	-	+
Итого			+12 -14	+8 =18 -1

* Планируется.

Из таблицы видно, что в статике между банковскими системами двух стран сохраняется много различий, однако ситуация чаще меняется в направлении большего сходства, чем наоборот. Мы выделили лишь один параметр, по которому динамика разнонаправленная, – это доля рынка, приходящаяся на крупнейшие госбанки.

В либерализации банковской деятельности уже в начале 90-х годов Россия пошла значительно дальше Китая, однако последующая динамика была нелинейной. В Китае постепенная трансформация подконтрольных государству банков и сокращение их

рыночной доли сочетались с освоением более сложных инструментов денежно-кредитной политики. В этом можно было усмотреть движение от социалистической модели кредитной системы в сторону коммерчески-ориентированной системы рыночного типа, в которой силы конкуренции будут играть всё большую роль (Okazaki, 2007, p.25; Xu, van Rixtel, van Leuvensteijn, 2013). В России же за последние 10-15 лет наблюдался рост государственного сектора и сужение поля конкурентных отношений в банковской сфере. В отрыве от контекста такие статистические данные могут создать иллюзию разнонаправленных тенденций, расходящихся эволюционных траекторий. Эти данные можно, конечно, интерпретировать таким образом, что китайская модель банковского дела стратегически ориентирована на настоящий рынок, а российская – в противоположную сторону. Но тогда приходится найти объяснение большого (и растущего) числа схожих институциональных форм и структурных особенностей банковской системы (см. предыдущие разделы).

Признавая огромную роль государства в экономике обеих стран, западные учёные постулируют для себя, что в Китае и России прогресс идёт именно в сторону капитализма (Puffer, McCarthy, Wilson, 2007). Некоторым из них ещё в начале 90-х годов прошлого века казалось, что «завершение» перехода Китая к рынку произойдёт в обозримом будущем (Perkins, 1994). Между тем, традиционная «мейнстримная» парадигма, построенная на дихотомии «социализм – капитализм», малопродуктивна в объяснении общественной динамики Китая (Кирдина, Кондрашова, 2010, с.23). В самом Китае не противопоставляют социализм и рынок, объединив их в одном словосочетании – «социалистическая рыночная экономика»; этому термину даже посвящена отдельная статья в [Википедии](#).

Вписать происходящее в той или иной конкретной сфере (например, коммерческие банки) в социально-экономический контекст России и Китая позволяет теория институциональных матриц, или ТИМ (Кирдина, 2001; 2014). Согласно ТИМ, и российская, и китайская экономика исторически характеризуются доминированием одной и той же институциональной X-матрицы, которая включает в себя нерыночные отношения централизованного перераспределения (редистрибуции) и условную верховную собственность. Доминанта той или иной матрицы инвариантна («эффект колеи»), и преобладание институтов определённого типа, в том числе той или иной формы собственности, закреплено исторически. Попытки «обмануть судьбу» и заменить набор базовых институтов на институты альтернативной матрицы обречены на неудачу. В этом

смысле аксиоматика ТИМ близка к концепции зависимости от ранее избранного пути (path dependency).

Эффективное функционирование и само выживание системы зависит от того, удастся ли найти баланс между доминантными институтами и комплементарными (дополняющими). В.М.Полтерович ввёл понятие «перспективной траектории», т.е. стратегии реформ, имеющей высокие шансы на успех. Перспективная траектория должна выполнять ряд требований, среди которых – статическая и динамическая комплементарность институтов и рациональная последовательность институциональных изменений (Полтерович, 2006). Для стабильного развития пропорция между доминантными и вспомогательными институтами должна быть близка к «золотому сечению» – 65:35 или 70:30 (Давыдов, 1988; Кирдина, 2001).

Главный функционал банков в экономической системе как X, так и Y-типа – это преобразование сбережений в инвестиции и размещение денежных ресурсов между экономическими субъектами. Доминирующая в данном обществе форма размещения и распределения ресурсов predetermined, с точки зрения ТИМ. В статье «Институциональные модели финансирования реального сектора» тестируется гипотеза о существовании двух базовых институциональных моделей финансирования реального сектора, названных «государство–инвестор» и «государство–регулятор». В России и Китае, представляющих собой экономики X-типа, преобладает первая модель, а в США – вторая (Кирдина, 2013). Доминирующей формой размещения ресурсов в X-экономике является их централизация и последующее перераспределение при активном участии государства, прежде всего в лице органов центральной власти. Комплементарный институт в данном случае – это децентрализованное привлечение ресурсов с рынка и их размещение по критериям финансовой эффективности. Соответственно, деятельность подконтрольных государству банков и их участие в финансировании правительственных проектов и программ может рассматриваться как форма проявления института, коренного для экономики X-типа. А через работу частных банков по аккумуляции частных сбережений и их размещению в рыночные активы проявляется институт Y-типа, обеспечивающий необходимый институциональный баланс в системе.

Такая парадигма даёт ключ к пониманию многих явлений в современной банковской практике таких стран, как Россия и Китай. В 1990-е годы в России предприняли попытку «одним ударом» изменить режим функционирования кредитной системы, подавив коренные институты. Это проявилось через развал спецбанков и

самоустранение государства от распределения кредитных ресурсов. Параллельно шло быстрое бесконтрольное развитие частного банковского капитала, который во второй половине десятилетия контролировал уже 2/3 банковской системы. Возникли практически ниоткуда сотни частных банков (к моменту своего пика число коммерческих банков в России приблизилось к двум тысячам). Это множество так и не обеспечило необходимой функциональности банковской системы. К середине 1998 г. в структуре активов коммерческих банков на ценные бумаги приходилось 32,1%, т.е. больше, чем на кредиты нефинансовым предприятиям – 28,5% (Обзор банковского сектора, 2002, с.10, табл.9). Банки занимались чем угодно – паразитировали на государственном бюджете страны, спекулировали иностранной валютой и другими финансовыми активами, участвовали в захвате промышленных активов и т.д. – кроме того, чем обычно занимаются коммерческие банки.

В кризис 1998 г. крупнейшие банки страны обанкротились. То, что происходило впоследствии, с точки зрения ТИМ можно расценить как действие механизма *институциональной автокоррекции*. До кризиса пропорция между государственным и частным капиталом, между централизованным перераспределением и рынком далеко отклонилась от исторического оптимума, то есть произошёл пережлёт (*overshooting*). Теперь эта пропорция стала восстанавливаться. Растёт государственное присутствие в кредитной сфере в качестве регулятора, органа системного программирования и непосредственного производителя услуг в качестве контролирующего акционера крупнейших коммерческих банков и институтов развития. Государство осваивает инструменты влияния на ценовой механизм на рынке кредитных ресурсов. В результате сужается простор для действия частной инициативы и рыночного обмена.

В *Kumae* движение от полного господства институтов одного типа – централизованного перераспределения финансовых ресурсов – к более сбалансированному их набору, в котором есть место и рыночному способу размещения ресурсов, происходит постепенно, но неуклонно и поступательно. Поскольку частный капитал до сих пор недостаточно представлен в банковской системе, то сейчас его доля должна расти. Поддержание пропорции между разными институтами сохраняет устойчивость кредитной системы и доверие населения к ней, поддерживая экономический рост.

Таким образом, каждая из изучаемых нами банковских систем движется к оптимальному для себя соотношению между доминантными институтами X-типа

(обеспечивающими централизацию и редистрибуцию финансовых ресурсов) и комплементарными институтами Y-типа (саморегулирующимися институтами рыночного спроса и предложения и конкуренции). Расхождение траекторий эволюции является иллюзией, и на самом деле эти траектории сходящиеся, просто последний 15-летний отрезок эволюции начался у двух стран с разных стартовых позиций.

Типологическое сходство институциональной структуры банковских систем России и Китая поднимает интересную тему *направления* институциональных заимствований. Во второй половине XX века Китай в определённой мере опирался на практику СССР, заимствуя опыт централизованного планирования, структурной политики, хозрасчёта предприятий и т.д. В начале XXI века направление трансфера изменилось, и «донором» институтов и институциональных форм для России становится Китай. К их числу относятся: развитие крупных государственных банков, их акционирование и коммерциализация, сочетание коммерческой деятельности с решением задач социально-экономического развития; передача некоторых полномочий собственника от центральных органов власти другим учреждениям внутри госсектора; дирижизм в принятии банками кредитных решений; участие банков в финансировании региональных бюджетов; курс на создание национальной системы платёжных карт; попытки регулировать процентные ставки по кредитам и депозитам; развитие системы институтов развития. Примеры обратных заимствований (из России в Китай) найти гораздо труднее. Вероятно, Китай учёл опыт России при изменении своей политики от поощрения иностранных филиалов к созданию дочерних иностранных банков.

Возьмём конкретный пример институционального проектирования – внедрение государственного гарантирования (страхования) частных банковских вкладов. В России оно уже действует, а Китай планирует создать такую систему. Однако и в России, и в Китае на рынке сбережений населения давно действуют государственные банки, то есть государство уже и так несёт ответственность за судьбу большей части частных вкладов. Вместо того, чтобы уравновесить традиционный патернализм государства и безответственность людей какими-либо новыми инструментами рыночной дисциплины, правительство вводит ССВ, которая становится дополнительным «вторым контуром» патернализма. Это ещё больше разрушает дисциплину и внедряет стимулы к разрушительному поведению (*moral hazard*), делая общую финансовую систему менее сбалансированной. С этой точки зрения ССВ, решая некоторые политические задачи тактического плана, всё же представляет собой чуждый институт, нарушающий логику

системы. Россия уже убедилась в негативных эффектах от ССВ, Китаю ещё предстоит в этом убедиться.

6. Заключение

Преодолевая различие масштаба экономик России и Китая и социально-культурные различия между ними, мы искали ответ на вопрос: насколько российская банковская система похожа на китайскую в своих содержательных характеристиках и происходит ли постепенная конвергенция либо расхождение траекторий их развития. Мы сопоставили институциональную структуру, структуру рынка и концентрацию, структурную политику государства в банковской сфере и участие банков в кредитовании и финансировании нефинансового сектора экономики. Общий вывод таков: в статике между двумя банковскими системами есть элементы как сходства, так и различия. А в динамике преобладают элементы конвергенции. Важнейшими из них представляются следующие:

- Многоуровневая иерархически организованная система коммерческих банков, во главе которой находятся несколько банков, напрямую контролируемых государством;
- Сокращение абсолютного числа коммерческих банков в России и его рост в Китае, при увеличении проникновения банковских услуг в обеих странах;
- Доля рынка крупнейших государственных банков находится на уровне 42-45%, хотя в России она растёт, а в Китае – сокращается;
- Опережающий рост доли рынка банков, опосредованно контролируемых государственным капиталом;
- Падение рыночной доли частных и иностранных банков в России и консервация этой доли на очень низком уровне в Китае;
- Активная политика государства по выращиванию нескольких крупнейших госбанков в качестве «национальных чемпионов». В Китае она проводится публично, а в России – скорее, имплицитно;
- Усложнение структуры акционерного капитала крупнейших государственных банков вместо их подлинной приватизации;
- Намерение Китая ввести в действие систему страхования частных вкладов (в России она уже есть);
- В Китае банковские кредиты стали важным источником инвестиций в основной капитал нефинансовых предприятий;
- В обеих странах кредиты государственных банков являются дополнением

- бюджетных инвестиций в основной капитал нефинансовых предприятий;
- Ведущие государственные банки сочетают коммерческое обслуживание с выполнением задач, свойственных институтам развития;
 - Государственные органы оказывают существенное влияние на кредитные решения крупнейших государственных банков, а в Китае – всех банков;
 - Рост дирижизма и «директивного кредитования» в России, который устраняет главное, по мнению Т.Сперанской (2009), отличие российской системы от китайской;
 - Банковское кредитование дефицита местных и региональных бюджетов: осуществляется в Китае, планируется в России.

Независимо от того, нравится это кому-то или нет, вектор эволюции банковской системы России направлен в сторону конвергенции с китайской. Уже сейчас типологического сходства с Китаем больше, чем со странами Центральной и Восточной Европы, одновременно с Россией начавшими реформировать свои банки. В банковской области Китай фактически стал для России донором институтов и институциональных форм, хотя на политическом уровне это пока не признаётся.

Мы полагаем, что проведённое исследование нашло эмпирические подтверждения ряда постулатов макросоциологической теории институциональных матриц. Например, для выживания системы предполагается необходимость поддерживать определённую пропорцию между доминантными и комплементарными институтами. Для России и Китая исторически доминантными являются институты редистрибутивной X-экономики, а комплементарными – институты рыночной Y-экономики. В Китае с 1980-х годов идёт поиск оптимального соотношения между ними через сочетание различных форм собственности и механизмов размещения финансовых ресурсов. В России пропорция между экономическими институтами была грубо нарушена в начале 1990-х годы, когда бесконтрольная свобода частного капитала создала дисфункциональную банковскую систему, работающую сама на себя и потерпевшую крах в 1998 г. После этого началось возвращение государства в банковскую сферу, что выразилось в увеличении доли контролируемых государством банков, появлении институтов развития и усилении дирижизма в кредитной сфере. Мы видим здесь действие механизма институциональной автокоррекции, защищающего систему от самораспада. В настоящее время движение к оптимальной пропорции между институтами редистрибутивной X-экономики и Y-институтами рынка происходит в банковской сфере России и Китая. Из-за разных

стартовых позиций возникает иллюзия расходящихся эволюционных траекторий, но эти траектории сходящиеся.

Данная работа дополняет описание существующей в России и Китае институциональную модель «государство-инвестор», касающейся финансирования реального сектора экономики (Кирдина, 2013). Это, во-первых, ограниченное значение банковских кредитов как источника формирования основного капитала нефинансовых предприятий. Во-вторых, представление о кредитовании со стороны государственных банков и о бюджетном (и квази-бюджетном) финансировании как о взаимодополняющих источниках. В-третьих, снижающаяся информативность номинальной формы собственности ввиду применения государством других инструментов для сохранения контроля над ведущими банками. Дело в конечном счёте не в форме собственности, а в способе доведения до банка определённого социального заказа. Это может достигаться, в частности, через влияние государственных органов на принятие кредитных решений.

Наконец, мы отметили возможные ошибки в институциональном проектировании на примере страхования / гарантирования частных банковских вкладов, которое, по мнению автора, представляет собой как для России, так и для Китая «лишний» институт, дублирующий уже существующие институты.

В предполагаемую нами институциональную динамику не вписываются провозглашённый российским правительством и центральным банком долгосрочный план по выходу из капитала системообразующих банков. Непредвзятые исследования затрудняются привести убедительные доказательства взаимосвязи между приватизацией и ростом эффективности (Полтерович, 2012, с.20). Повторная попытка государства избавиться от «своих» банков и уйти с рынка кредитов привела бы к аналогичным последствиям, как в 1990-е годы, и через некоторое время системообразующие банки всё равно придётся воссоздавать. События первой половины 2014 г. и новые стратегические вызовы, с которыми столкнулась Россия, подтвердили потребность в мощных кредитных учреждениях, способных мобилизовать и направлять ресурсы в масштабные проекты национального значения. Это особенно касается таких сфер, как транспорт и инфраструктура, импортозамещение в стратегически важных отраслях, оборонно-промышленный комплекс и высокие технологии. Эти сферы невозможно оставить полностью на откуп частному банковскому капиталу – ни российскому, ни тем более иностранному. Политика государства в отношении коммерческих банков и институтов развития должна будет учитывать этот фактор.

Основные источники

- Верников А.В. Доля государственного участия в банковской системе России // *Деньги и кредит*, 2009. № 11. С.4-14.
- Верников А.В., Кирдина С.Г. Эволюция банков в X- и Y-экономиках. – в сб.: *Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост*. М.: Институт экономики РАН, 2010. С. 244-278.
- Верников А.В. «Национальные чемпионы» в структуре российского рынка банковских услуг // *Вопросы экономики*. 2013. № 3. С. 94-108.
- Головнин М.Ю. Банковская система Китая на фоне других переходных банковских систем // *Вопросы экономики*. 2003. № 12. С.137-144.
- Давыдов А.А. Существует ли мера социальной гармонии? // *Социологические исследования*. 1988. № 5.
- Захаров В.С. *Очерки банковской реформы 1988-1991 годов*. М.: Финансы и статистика, 2005.
- Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2001.
- Кирдина С.Г. Институт земельной собственности в России // *Вопросы экономики*. 2003. № 10. С.146-153.
- Кирдина С.Г. *X- и Y-экономики: институциональный анализ*. М.: Наука, 2004.
- Кирдина С.Г., Кондрашова Л.И. (ред.). Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз // *Вестник научной информации*. 2010. № 3. (М.: Ин-т экономики РАН).
- Кирдина С.Г. Институциональные модели финансирования реального сектора // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2013. № 2(18). С.129–155.
- Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию*. С.-Пб. и М.: Нестор-История, 2014.
- Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии* / под ред. Л.В.Никифорова, Т.Е.Кузнецовой, М.Б.Гусевой; Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2005. ISBN 5-02-033806-0.
- Кротов Н. *История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Книга 1. Спецбанки*. М.: Экономическая летопись, 2010.
- Обзор банковского сектора Российской Федерации № 1 (интернет-версия). М.: Банк России, ноябрь 2002. http://www.cbr.ru/archive/Default.aspx?PrId=Archive_itmwww.cbr.ru
- Отчёт о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2013 году. М.: Банк России, 2014.
- Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // *Экономика и математические методы*. 2006. Т. 42. № 2. С.3-16.
- Полтерович В.М. Приватизация и рациональная структура собственности. М.: Институт экономики РАН, 2012.
- Пэй Сяогэ. О выборе пути развития китайской экономики. – в кн.: *Китай, Польша и Россия: стратегия трансформации, структурный поворот*. М.: Институт экономики РАН, 2010, с.16-26.
- Росстат. Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования, млрд. руб. [Электронный ресурс] <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/investment/nonfinancial/#> (дата обращения: январь 2014 г.).
- Сперанская Т.С. Анализ российской модели банковской системы в сравнении с китайской

моделью // *Проблемы прогнозирования*. 2009. № 2. С. 95-105.

- Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года. Правительство Российской Федерации №1472п-п13, Центральный Банк Российской Федерации №01-001/1280. 5 апреля 2011 г.
- Allen F., Gale D. (2000), *Comparing Financial Systems*, MIT Press, Cambridge, MA and L.
- Berger A., Hasan I., Zhou Mingmin (2009), Bank ownership and efficiency in China: What will happen in the world's largest nation? // *Journal of Banking & Finance* 33(1): 113-130.
- Bonin J., Hasan I., Wachtel P. (2005), Bank performance, efficiency and ownership in transition countries, *Journal of Banking and Finance* 29 (1): 31-53.
- CBRC (2013), Annual Report 2012, China Banking Regulatory Commission, Beijing.
- Cooper J. (2012), Are China's banks heading for a crisis? *The Banker*, April 2012.
- Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L. (eds.) (2008), *Deposit Insurance around the World: Issues of Design and Implementation*, MIT Press, Cambridge MA and L.
- Fungáčová Z., Solanko L., Weill L. (2010), Market power in the Russian banking industry, *International Economics* 124 (4): 127-145.
- Fungáčová Z., Poghosyan T. (2011), Determinants of bank interest margins in Russia: Does bank ownership matter? // *Economic Systems* 35(4): 481–495.
- Fungáčová Z., Korhonen I. (2011), Like China, the Chinese banking sector is in a class of its own // *BOFIT Discussion Papers* DP 32/2011. Bank of Finland, Helsinki.
- Fungáčová Z., Herrala R., Weill L. (2013), The influence of bank ownership on credit supply: Evidence from the recent financial crisis, *Emerging Markets Review* 15(2): 136–147.
- Fungáčová Z., Pessarossi P., Weill L. (2013), Is bank competition detrimental to efficiency? Evidence from China // *China Economic Review* 27 (December 2013), 121-134.
- IMF (2011), Russian Federation: Financial System Stability Assessment, IMF Country Report No 11/291. International Monetary Fund, Washington DC, September 2011.
- IMF (2011), People's Republic of China: Financial System Stability Assessment, IMF Country Report No 11/321. International Monetary Fund, Washington DC, November 2011.
- IMF (2014a), Public Expenditure Reform: Making Difficult Choices // *Fiscal Monitor*, April 2014, IMF (Washington DC).
- IMF (2014b). Financial Access Survey [Электронный ресурс] Washington DC: International Monetary Fund. <http://fas.imf.org/> (дата обращения: май 2014 г.).
- Karas A., Schoors K., Weill L. (2010), Are private banks more efficient than public banks? Evidence from Russia // *Economics of Transition* 18(1), 209-244.
- Karas A., Pyle W., Schoors K. (2013), Deposit insurance, banking crises, and market discipline: Evidence from a natural experiment on deposit flows and rates, *Journal of Money, Credit and Banking* 45(1): 179–200.
- Kirdina S., Vernikov A. (2013), Evolution of the banking system in the Russian context: An institutional view, *Journal of Economic Issues* 47(2): 475-484.
- KPMG (2012), *Mainland China Banking Survey 2012*, KPMG, Hong Kong
- La Porta R., López-de-Silanes F., Shleifer A. (2002), Government ownership of banks, *Journal of Finance* 57 (1): 265–301.
- Liao Wei, Tapsoba S. (2014), China's monetary policy and interest rate liberalization: Lessons from international experiences // IMF Working Paper No. 14/75. International Monetary Fund, Washington DC.

- Lin Xiaochi, Zhang Yi (2009), Bank ownership reform and bank performance in China, *Journal of Banking & Finance* **33**(1): 20-29.
- Lu Yan, Fung Hung-Gay, Jiang Xianfeng (2007), Market structure and profitability of Chinese commercial banks, *Chinese Economy* **40**(5): 100-113.
- National Bureau of Statistics China. Sources of Funds for Investment in Fixed Assets in the Whole Country [Электронный ресурс]. Last accessed on 25.04.2014. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2012/html/F0505e.xls>
- Okazaki K. (2007), Banking system reform in China: The challenges of moving toward a market-oriented economy // RAND Corporation Occasional Paper Series No RAND/OP-194-CAPP.
- PBC (2014), China Monetary Policy Report. Quarter Four, 2013. People's Bank of China, 2014.
- Perkins D. (1994), Completing China's move to the market, *Journal of Economic Perspectives* **8**(2): 23-46.
- Podpiera R. (2006), Progress in China's banking sector reform: Has bank behavior changed? // IMF Working Paper No WP/06/71.
- Popov V. (1999), The financial system in Russia compared to other transition economies: The Anglo-American versus the German-Japanese model, *Comparative Economic Studies* **41**(1): 1-42.
- Puffer S., McCarthy D., Wilson J. (2007), Emerging capitalism in Russia and China: Implications for Europe // *European Journal of International Management* **1** (1-2): 146-165.
- PWC (2012), Foreign banks in China 2012 // PricewaterhouseCoopers Limited, July 2012. www.pwccn.com
- Schoors K. (2003), The fate of Russia's former state banks: Chronicle of a restructuring postponed and a crisis foretold, *Europe-Asia Studies* **55** (1): 75-100.
- Vernikov A. (2007), Russia's banking sector transition: Where to? // BOFIT Discussion Papers DP 5/2007. Bank of Finland, Helsinki.
- Vernikov A. (2009), Russian banking: The state makes a comeback? // BOFIT Discussion Papers DP 24/2009, Bank of Finland, Helsinki.
- Vernikov A. (2012), The impact of state-controlled banks on the Russian banking sector, *Eurasian Geography and Economics* **53**(2): 250-266.
- Vernikov A. V. (2014), State-controlled «national champions»: Implications for empirical study of Russian banks' efficiency and concentration, in: *XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества*: в 4-х книгах / Отв. ред. Е. Г. Ясин. Кн. 1. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. P. 494-503.
- World Bank (2013), Financial Development and Structure Dataset (updated Nov. 2013). The World Bank, Washington DC.
- Xu Bing, van Rixtel A., van Leuvensteijn M. (2013), Measuring bank competition in China: A comparison of new versus conventional approaches applied to loan markets // BIS Working Papers 422. Basel: Bank for International Settlements.

Приложения

Приложение 1.

Финансовая глубина в России и Китае

		1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Ликвидные обязательства банков / ВВП, %	Россия	12,9	15,6	16,3	17,7	19,4	17,6	17,4	20,9	23,4	25,9	27,1	29,2	32,0	36,4	37,5	46,4	46,5	47,8
	Китай	74,0	77,7	81,1	83,8	86,7	93,9	104,1	114,9	124,7	130,6	135,4	140,1	143,9	144,5	144,5	146,6	142,2	144,4	160,7	168,0	170,6
Активы* / ВВП, %	Россия	12,3	15,3	16,8	19,4	21,3	19,9	18,5	21,0	22,8	24,3	25,4	26,7	29,5	34,8	38,6	48,7	44,9	45,6
	Китай	77,6	76,2	77,0	76,9	75,3	80,6	89,2	100,7	110,3	114,0	116,4	121,7	127,5	126,7	120,8	114,5	109,5	110,3	122,6	130,4	131,6
Кредиты* / ВВП, %	Россия	6,8	8,3	7,8	9,0	11,4	11,3	10,9	13,7	15,9	17,8	20,1	22,5	26,0	31,5	35,7	44,9	40,7	40,8
	Китай	77,6	76,2	76,9	76,4	74,1	78,6	87,1	96,9	104,3	107,2	107,9	111,3	116,8	116,0	110,3	104,5	99,7	100,6	112,5	120,2	121,5
Банковские вклады / ВВП, %	Россия	9,3	11,1	11,5	12,5	13,5	12,4	12,5	15,0	16,8	18,4	19,0	20,7	23,4	27,0	28,1	35,7	36,3	37,5
	Китай	19,6	21,3	22,1	22,4	22,2	23,3	26,4	29,3	32,4	36,0	38,2	41,1	43,7	44,2	43,3	42,4	41,9	41,7	46,6	50,9	49,9
Банковские кредиты / вклады, %	Россия	68,2	78,9	69,1	66,2	77,1	93,7	88,3	85,5	96,0	92,8	99,5	110,3	107,6	113,7	119,2	134,6	117,9	106,7	110,5
	Китай	375,8	343,7	349,7	330,9	335,5	338,9	323,0	337,9	308,8	288,5	276,4	267,0	267,4	258,0	251,4	241,9	234,4	247,0	236,9	235,1	251,4

* показатель отражает деятельность депозитарных финансовых учреждений (преимущественно банков)

Источник: Financial Development and Structure Dataset (updated Nov. 2013). The World Bank, Washington DC

Приложение 2.

Состав и структура системы коммерческих банков Китая

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
(а) количество учреждений (шт.)										
«крупные коммерческие банки»*	5	5	5	5	5	5	5
акционерные коммерческие банки	12	12	12	12	12	12	12
городские коммерческие банки	112	113	124	136	143	147	144	144
сельские коммерческие банки	13	17	22	43	85	212	337
иностранное финансовые учреждения**	5	14	29	32	37	39	40	42
Почтово-сберегательный банк Китая	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1
Итого	158	188	208	241	289	414	541
(б) структура – в процентах от совокупных активов коммерческих банков										
«крупные коммерческие банки»*	73,5	71,8	70,2	68,6	66,7	65,1	63,5	60,6	58,1	55,0
акционерные коммерческие банки	13,6	14,6	14,9	15,4	17,0	17,7	18,4	19,3	19,9	21,6
городские коммерческие банки	6,7	6,8	6,8	7,3	7,8	8,3	8,8	10,1	10,8	11,3
сельские коммерческие банки	0,2	0,2	1,0	1,4	1,4	1,9	2,9	3,6	4,6	5,8
иностранное финансовые учреждения	1,9	2,3	2,4	2,6	2,9	2,7	2,1	2,3	2,3	2,2
Почтово-сберегательный банк Китая	4,1	4,3	4,6	4,6	4,1	4,4	4,2	4,2	4,2	4,2
(в) структура - в процентах от общего числа работающих в коммерческих банках										
«крупные коммерческие банки»*	74,4	77,5	74,7	71,3	68,5	66,2	63,2
акционерные коммерческие банки	6,0	7,3	8,5	9,4	10,5	11,3	12,0
городские коммерческие банки	5,8	6,4	7,6	8,4	9,2	9,1	9,8
сельские коммерческие банки	1,0	1,5	1,9	3,1	4,3	6,3	8,3
иностранное финансовые учреждения	0,8	1,6	1,4	1,5	1,6	1,7	1,7
Почтово-сберегательный банк Китая	12,0	5,7	5,9	6,3	5,9	5,4	5,0

* Industrial and Commercial Bank of China, Agricultural Bank of China, Bank of China, China Construction Bank, Bank of Communications. ** Исключая филиалы иностранных банков.

Источник: рассчитано автором по данным: *Annual Report 2012*, China Banking Regulatory Commission, Beijing: 2013; *то же* за соответствующие годы.

**Приложение 3.
Насыщенность банковскими учреждениями в России и Китае**

		2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Коммерческие банки (шт.)*	Россия	1249	1205	1143	1092	1058	1007	955	922	897
	Китай	144	170	185	198	204	201	203
Филиалы и отделения коммерческих банков (не считая головные офисы)	Россия	31214	33351	35826	39971	42297	41205	41773	43752	45482
	Китай	85358
в том числе в трёх крупнейших городах	Россия	5869	5916	6104
	Китай	6936
Банкоматы	Россия	19737	27779	39475	54804	79376	92530	156631	184185	228760
	Китай	101255	127578	167489	214880	271084	333789	415561
в том числе в трёх крупнейших городах	Россия	18468	20044	35586	38038	43216
	Китай	12832	16244	23044	27068	30238	36300	44823
Отделений коммерческих банков на 1000 кв. км территории	Россия	1,98	2,11	2,26	2,51	2,65	2,58	2,61	2,73	2,83
	Китай	9,16**
Отделений коммерческих банков на 100 000 человек взрослого населения	Россия	26,7	28,5	30,5	33,9	35,8	34,9	35,3	36,8	38,2
	Китай	7,7*
Банкоматов на 1000 кв. км территории	Россия	1,2	1,7	2,4	3,4	4,9	5,7	9,6	11,3	13,5
	Китай	10,9	13,7	18,0	23,0	29,1	35,8	44,6
Банкоматов на 100 000 человек взрослого населения	Россия	16,3	22,9	32,6	45,2	65,6	76,5	129,3	151,8	182,0
	Китай	9,6	12,0	15,6	19,8	24,8	30,3	37,5

* Данные МВФ по количеству банков в Китае представляются заниженными по сравнению с данными СВРС. ** Рассчитано автором.

Источник: Financial Access Survey [Электронный ресурс] Washington DC: International Monetary Fund. <http://fas.imf.org/> (дата обращения: май 2014 г.)

Приложение 4.

Средний размер китайского коммерческого банка

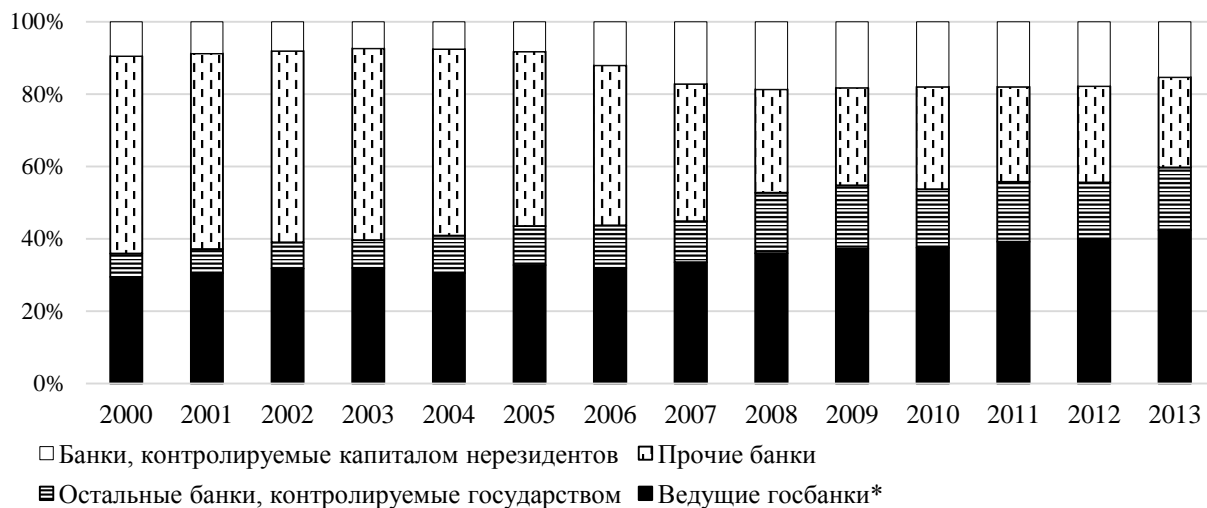
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
(а) число сотрудников							
«крупные коммерческие банки»	293 887	298 428	296 650	301 285	309 010	325 245	333 195
Почтово-сберегательный банк Китая	237 839	109 403	116 759	132 536	132 536	132 536	132 536
акционерные коммерческие банки	9 836	11 662	13 986	16 471	19 763	23 171	26 299
городские коммерческие банки	1 009	995	1 110	1 243	1 405	1 550	1 800
иностранные финансовые учреждения	1 195	1 081	869	878	924	1 057	1 061
сельские коммерческие банки	1 539	1 721	1 751	1 542	1 138	733	653
(б) валюта баланса, в млрд. юаней							
«крупные коммерческие банки»	4 847	5 700	6 515	8 160	9 379	10 727	12 008
Почтово-сберегательный банк Китая	1 612	1 769	2 216	2 705	3 242	3 853	4 545
акционерные коммерческие банки	454	606	736	985	1 242	1 532	1 961
городские коммерческие банки	23	27	30	40	53	69	86
иностранные финансовые учреждения	66	43	42	36	45	54	57
сельские коммерческие банки	39	36	42	43	33	20	19
(в) сумма активов, приходящаяся на одного сотрудника (млн. юаней)							
акционерные коммерческие банки	46,1	52,0	52,6	59,8	62,8	66,1	74,6
иностранные финансовые учреждения	55,5	40,0	48,4	41,5	48,4	50,9	53,4
городские коммерческие банки	22,8	27,1	27,4	32,0	38,0	44,7	47,6
«крупные коммерческие банки»	16,5	19,1	22,0	27,1	30,4	33,0	36,0
Почтово-сберегательный банк Китая	6,8	16,2	19,0	20,4	24,5	29,1	34,3
сельские коммерческие банки	25,2	20,8	24,1	28,1	28,6	27,4	28,5

Источник: рассчитано автором по данным: *Annual Report 2012*, China Banking Regulatory Commission, Beijing; *то же* за соответствующие годы

Приложение 5.

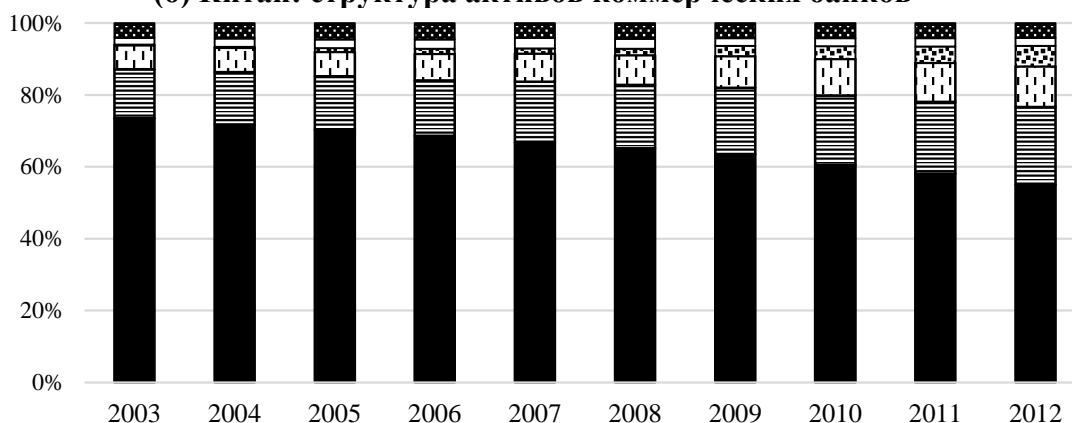
Структурные изменения в банковских системах России и Китая

(а) Россия: структура активов коммерческих банков

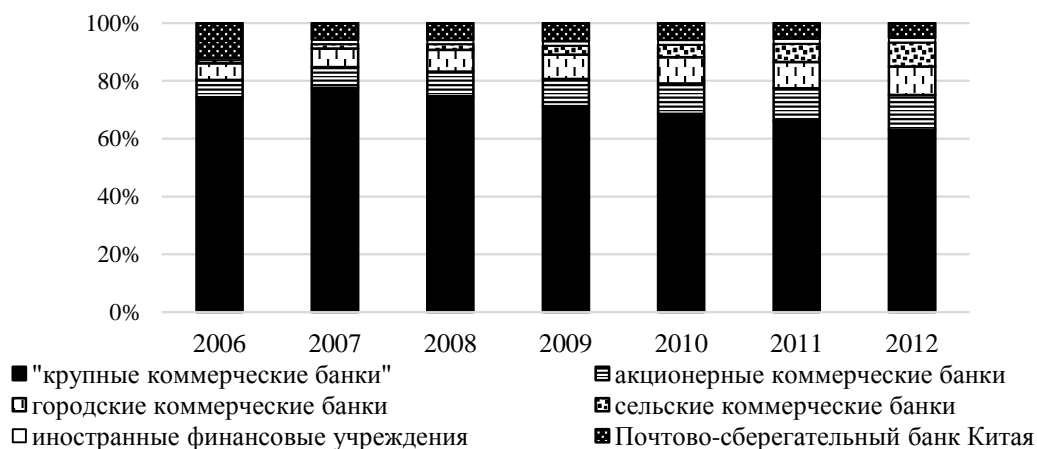

* Сбербанк России, ВТБ и Россельхозбанк, без дочерних учреждений

(б) Китай: структура активов коммерческих банков

(в) Китай: структура занятости в системе коммерческих банков

Источник: рассчитано автором по данным: *Annual Report 2012*, China Banking Regulatory Commission, Beijing: 2013; РБК; Банка России - за соответствующие годы.

Приложение 6.

Эффективность банков в России и Китае

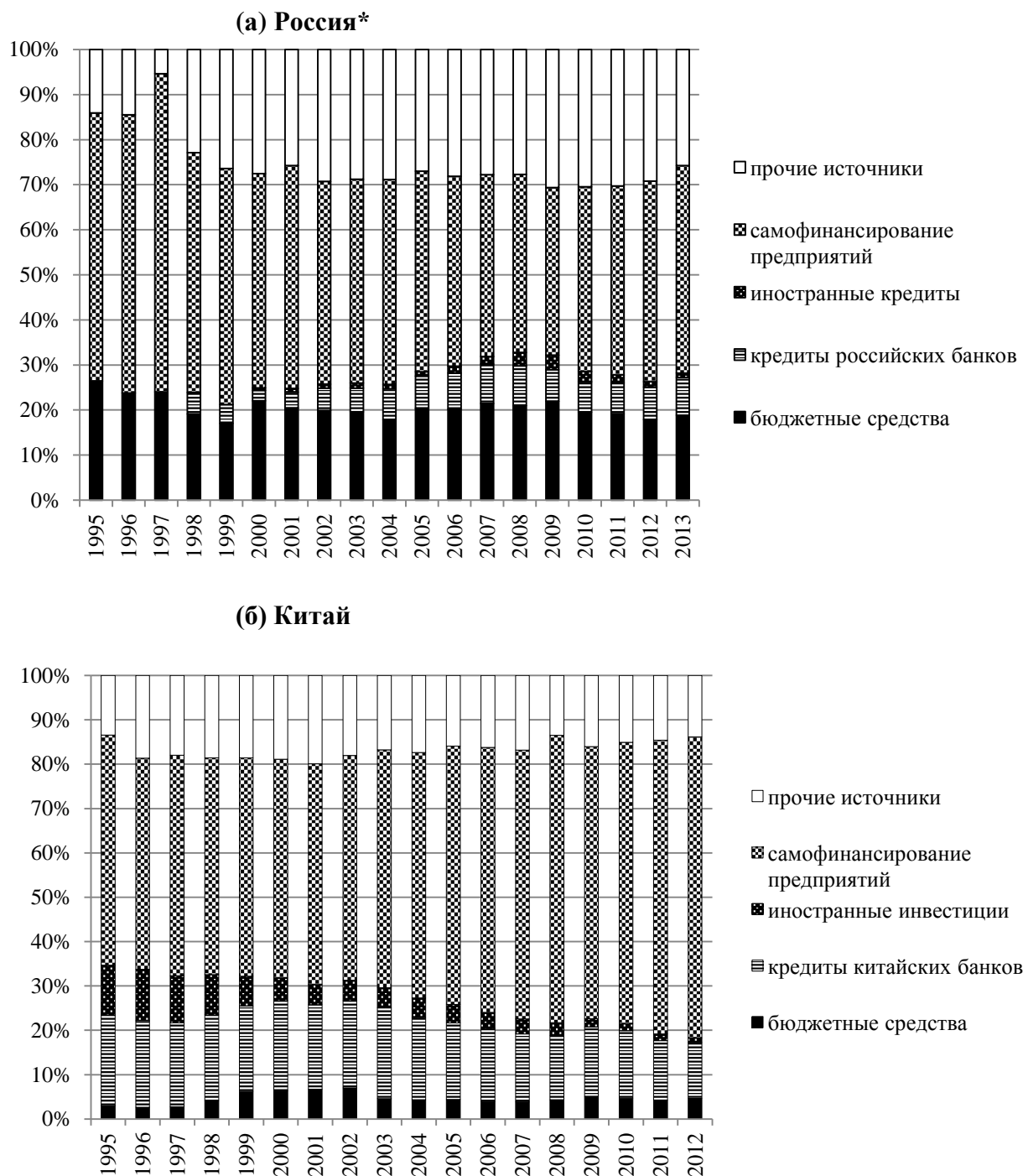
		1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Накладные расходы / Активы (%)	Россия	...	7,8	5,9	4,0	3,5	4,3	8,5	6,1	7,0	7,6	48,7	90,3	17,2	15,7
	Китай	...	1,3	1,2	0,9	1,1	1,2	1,3	1,1	1,2	1,5	1,4	1,1	1,1	1,2
Чистая процентная маржа (%)	Россия	...	4,7	6,1	5,5	5,1	4,6	8,0	5,3	5,1	5,0	4,5	4,3	4,2	4,0
	Китай	...	1,9	2,1	2,1	1,8	2,1	2,4	2,3	2,7	3,7	3,1	2,3	2,6	2,9
ROA, %	Россия	...	-1,3	7,4	2,1	1,3	1,8	3,4	2,3	2,3	2,0	1,1	0,4	1,1	1,3
	Китай	...	0,4	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,5	1,0	1,3	1,0	1,0	1,1	0,8
ROE, %	Россия	...	5,3	44,7	5,3	6,6	10,1	22,5	16,1	17,0	14,7	8,9	3,7	8,3	10,0
	Китай	...	5,0	4,8	7,0	11,1	14,2	12,3	12,9	19,2	20,4	18,2	18,6	19,7	13,0
Cost / income ratio (%)*	Россия	36,3	63,3	54,4	53,2	52,6	57,2	58,4	58,1	62,4	66,4	96,5	98,9	91,3	90,1
	Китай	60,9	65,5	62,1	54,1	52,3	47,7	48,5	43,9	42,0	36,3	39,8	42,6	39,2	38,3
Z-Score**	Россия	...	1,9	12,7	11,0	10,1	9,6	9,0	8,2	7,8	7,9	6,1	7,1	7,4	6,6
	Китай	...	20,2	18,5	14,4	9,8	9,8	10,1	10,1	19,6	12,8	18,9	18,2	20,3	19,6

*соотношение между накладными расходами и операционной прибылью. Показывает, какую часть своих доходов банк тратит на своё собственное содержание; ** Z-Score – это показатель того, на сколько стандартных отклонений измеряемая величина отстоит от среднего.

Источник: Financial Development and Structure Dataset (updated Nov. 2013). The World Bank, Washington DC

Приложение 7.

Доля различных источников инвестиций в основной капитал

* Классификация источников инвестиций в основной капитал по России приведена к сопоставимому виду со структурой данных по Китаю. В российской статистике нам не удалось найти данные за 1995-1997 гг. об объёме банковских кредитов для инвестиций в основной капитал.

Источник: рассчитано по данным Росстата

(http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#) и

Национального бюро статистики Китая (<http://www.quandl.com/STATCHINA-National-Bureau-of-Statistics-China/F0505-Sources-of-Funds-for-Investment-in-Fixed-Assets-in-the-Whole-Country>)

Приложение 8.

Средства государственного бюджета и кредиты государственных банков как источники инвестиций в основной капитал нефинансовых предприятий (в % ВВП)

		2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Госбюджетные инвестиции в основной капитал / ВВП	Россия	3,2	3,1	2,7	2,7	2,4	2,7	2,9	3,4	3,4	3,4	2,8	2,9	2,8	2,7
	Китай	2,1	2,3	2,6	2,0	2,0	2,2	2,2	2,2	2,5	3,7	3,7	3,1	3,7	...
Прирост кредитного портфеля* основных государственных банков** / ВВП	Россия	1,1	1,6	1,4	1,8	1,4	2,1	1,9	3,5	3,3	0,4	1,3	3,0	1,6	2,4
	Китай	6,3	6,2	6,2	5,9	5,5	4,7	7,1	6,6	5,1	15,6	8,0	5,3	5,2	...
Итого	Россия	4,3	4,6	4,1	4,5	3,7	4,8	4,8	6,9	6,7	3,8	4,1	5,9	4,4	5,1
	Китай	8,5	8,6	8,8	7,9	7,5	6,9	9,3	8,8	7,7	19,3	11,7	8,4	8,8	...

* по России – только кредиты, предоставленные нефинансовым предприятиям и организациям; по Китаю – все кредиты; ** Россия: Сбербанк России, ВТБ, Россельхозбанк; Китай: Industrial and Commercial Bank of China, Agricultural Bank of China, Bank of China, China Construction Bank, Bank of Communications.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата, Банка России, Национального бюро статистики Китая и CBRC.

Верников
Андрей Владимирович

Андрей Владимирович Верников – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра эволюционной экономики Института экономики РАН; профессор департамента финансов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

Окончил МГИМО МИД СССР в 1981 г. и аспирантуру ИЭМСС АН СССР. Имеет 20-летний опыт работы в банковском и финансовом секторе. С 2006 г. преподаёт в НИУ ВШЭ. Сфера исследовательских интересов: банки и банковские системы, прикладной институциональный анализ, корпоративное управление.

[Дополнительная информация об авторе](#)

Адрес электронной почты: avernikov@hse.ru